

СЕВЕРНАЯ КРОВЬ

Анна Серебрякова

18+

Анна Серебрякова
Северная кровь

«Автор»

2026

Серебрякова А.

Северная кровь / А. Серебрякова — «Автор», 2026

«Там ты найдёшь то, что мы у тебя отняли. Прости нас». Это письмо Катя получила через шестнадцать лет после того, как нашла родителей мёртвыми. В конверте — ключ с головой волка и адрес: Белые Ключи, усадьба Стужиных. А в старом доме её ждала ещё одна тайна — дневник матери. Она ехала на север за наследством, но нашла поместье, которое рисовала в детстве, почти не зная о нём. Её встречает Алексей Волков — опасный, резкий и невыносимо притягательный. Он утверждает, что их семьи связаны древним проклятием, а в ней самой дремлет магический дар. В мире, где вода говорит голосами предков, а мосты рушатся за ночь, Кате предстоит сделать выбор: бежать или остаться, чтобы принять свою кровь и полюбить врага.

© Серебрякова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Чужой дом.	6
Глава 2. Уроки молчания.	15
Глава 3. Ключ.	21
Глава 4. Волков.	26
Глава 5. Чужой след.	30
Глава 6. Границы.	35
Глава 7. Эхо прошлого.	42
Глава 8. Жители.	48
Глава 9. Подземелье.	56
Глава 10. Метка.	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Анна Серебрякова

Северная кровь

Пролог

Ей было семь, когда она нашла их. Мама лежала на кровати, папа — рядом. Они были вместе даже в этом. Катя поняла не сразу, что они мертвы — в семь лет уже знаешь, что такое смерть, но не веришь, что она может войти в твою собственную дверь. Она просто села на пол и стала ждать, когда мама и папа проснутся.

Домработница пришла спустя шесть часов, её крик был пронзительным и вписался в память Кати как штамп зловещего ужаса.

Потом были похороны, чужие Кате люди, много странных и не понятных слов, сама же Катя стояла у гроба с прямой спиной и сухими глазами. Кто-то назвал её «сильным дитем», а кто-то — «бедной сироткой». Она же не была ни той, ни другой.

Родители были реставраторами, государственные заказы, закрытые объекты, раскопки, ветхие усадьбы на севере. Для внешнего мира они были специалисты по старине экстра-класса. Дома бывали редко, а когда возвращались, то привозили ящики, пахнущие землёй и временем. Катя не знала, что в этих ящиках, ей не показывали. Но иногда по ночам из кабинета матери пробивался свет, и сквозь неплотно прикрытую дверь доносился шёпот, который Катя не понимала, но который заставлял воздух дрожать.

Она не плакала, когда родители уезжали, не скучала, когда они не звонили. К семи годам она научилась жить с вакуумом внутри так, как живут с хронической болезнью, приглушая симптомы и избегая резких движений.

Родителей не стало внезапно. Они умерли вдвоём так, как - будто просто решили не возвращаться с очередного объекта, оставив предсмертную записку, в которой не было ни слова о дочери. Только сухие распоряжения и просьба никого не винить.

Тётка оформила опеку быстро, затем также быстро отдала Катю в пансион, затем был техникум, съёмная квартира, работа официанткой. Шестнадцать лет прошли как один долгий серый день. И всё это время где-то на севере, в посёлке с названием Белые Ключи, стоял дом, о котором Катя практически ничего не знала.

В двадцать три года она получила ключ от банковской ячейки — по завещанию, о котором ранее ей никто не сообщал. Внутри лежал конверт с письмом - мамин почерк: быстрый, неровный и не похожий на тот, который Катя видела на старых открытках, но все - таки мамин. Письмо содержало текст: *«Адрес: . с. Белые Ключи. Усадьба Стужиных. Там ты найдёшь то, что мы у тебя отняли. Прости нас»* и старый, кованый ключ с резной головкой в виде волчьей головы.

Катя сжала его в кулаке, не почувствовав ни гнева, ни надежды. Только глухое, тяжёлое любопытство — то самое, что когда-то заставило семилетнюю девочку сидеть на полу шесть часов и ждать, когда родители проснутся, когда проснутся те, кто уже был мертв.

Она ехала на север...

Глава 1. Чужой дом.

Автобус довёз её только до районного центра. Дальше начиналась старая дорога, разбитая лесовозами и узкий мост, по которому рейсовый автобус проехать бы отказался, маршрут его закончился раньше. Но Кате повезло, мужик, представившийся Эйко на старом внедорожнике, вёз в Белые Ключи мешки с мукой и согласился довезти её. Всю дорогу он травил байки про местный уклад жизни. Она его не слушала.

Когда они въехали на мост, Эйко вдруг замолчал и сбавил скорость. «Не бойсь, — сказал он, заметив, как Катя вцепилась в сиденье. — Река сегодня спокойная. А вот весной тут бывает не проедешь — звереет».

Катя внимательно посмотрела в окно. Река не была широкой, но и не текла спокойно, как равнинные реки, а напротив боролась. Вода вгрызалась в каменистые берега, закручиваясь в маленькие водовороты между валунами, воды её были тёмными, а у берегов прозрачно-янтарными, как крепкий чай. Вокруг моста река словно сдерживала себя, но чуть ниже по течению уже разгонялась на порогах, и шум оттуда доносился низкий, предупреждающий.

Через полчаса старый внедорожник остановился на центральной улице в поселке «Белые Ключи». Эйко сказал Кате что-то на прощание и махнув рукой в сторону леса уехал, растворовшись в серой мороси. Катя осталась стоять одна. Ни единой души кругом.

Двадцать шесть часов пути она тряслась в поезде до Петрозаводска, потом в автобусе через Сортавалу и старом внедорожнике местного мужика по имени Эйко. С каждым часом в пути мир за окном становился всё более чужим. Мелькали сосны, виднелись болота и все это покрывало серое небо, а она снова и снова прокручивала в голове одно и то же, не обращая ни на что внимания.

«Там ты найдёшь то, что мы у тебя отняли. Прости нас», эти слова в письме остались в голове у Кати как неожиданный, нежданный оклик боли о прошлом, который нашел её именно в тот момент, когда, казалось бы, она только справилась со своей болью. Она вдумывалась в смысл написанного, но сердце колотилось и чувства копились комком где-то в горле, выливаясь горечью во рту, а пальцы сами собой сжимали край конверта так, что бумага смялась.

Но где-то глубже, именно там, куда она сама боялась заглядывать, — теплилась другая мысль: может быть, там найдётся тот самый покой, который, казалось, она утратила в своем сердце, где уже шестнадцать лет живёт лишь пустота.

Она ехала за ответами, или за деньгами, или хотя бы за тишиной — другой, не бетонной, не городской, а той, в которой можно наконец услышать себя. Иначе она не могла себе объяснить свое решение бросить привычную жизнь и уехать.

Навигатор на телефоне умер ещё час назад и показывал вместо карты зеленую рябь. В посёлке не было ни указателей, ни прохожих, только приземистые дома, тонувшие в тумане и ветер, гудевший в проводах.

И всё же она пошла не раздумывая, не выбирая направления. Ноги сами несли её, легко, безошибочно, как если бы она шла по карте, нарисованной не в памяти, а в крови. Мимо покосившихся заборов и старых берёз, чьи ветви сплетались над головой в голый, чёрный свод.

В пансионе, долгими серыми буднями, а иногда и бессонными ночами, она рисовала дом. Один и тот же дом, снова и снова, который появлялся волей порыва её руки на полях тетрадей, на обрывках бумаги, и вновь появился на запотевшем стекле автобуса, который вез её в неизвестность. Высокий, двухэтажный, с резным крыльцом и коваными воротами, на которых темнел герб, которого она не знала. В общем для Кати это было просто проявление фантазии, о чем ей раньше и говорили воспитатели в пансионе.

Теперь, когда она свернула с главной улицы на просёлочную дорогу и увидела в конце неё тёмный силуэт, земля ушла из-под ног. Это был он, тот самый дом, оживший из её детских рисунков, воскресший в её памяти.

Мурашки скользнули по коже, от запястий к плечам и застыли у затылка. Катя замерла, на мгновение она была не в силах сделать шаг и как заворожённая смотрела на тёмный камень стен, на резное крыльцо, на кованые ворота с гербом, переплетённые линии которого складывались в ветви и образовывали кристалл. Она почувствовала, как внутри что-то задрожало — не мысль, не воспоминание, а что-то более древнее, что в ней жило, но молчало, а теперь начало просыпаться.

Она подошла ближе. Провела пальцами по камню, который был холодным, но не мёртвым. Такой холод бывает у реки в феврале, покрытой льдом, но скрывающим живое течение под собой.

Катя достала ключ из конверта, тот самый, тяжёлый, кованый, с резной головкой в виде волчьей головы. Ключ вошёл в замок легко, будто его смазывали только вчера. Катя повернула его и замерла, со спины она кого-то почувствовала, не услышав ни шагов, ни дыхания, но воздух вдруг стал плотнее, холоднее и мурашки скользнули по спине от ощущения чужого присутствия. Такого близкого, что, казалось, она почувствовала тепло чужого тела.

Она резко обернулась. Из тумана, который стелился по земле у самых ворот, проступил силуэт. Сначала только тень, сгустившаяся между сосен. Потом появился высокий, мохнатый, с тяжёлыми бабками, всхрапнувший и переступивший ногами конь и всадник, который сидел в седле неподвижно, как изваяние, и смотрел на неё сверху вниз.

Он просто был здесь, будто вырос из тумана, из земли, из самого воздуха. Катя прижала ладонь к груди, где колотилось сердце, и заставила себя не отшатнуться. «Это просто мужчина, просто всадник, просто она, городская дура, испугалась собственной тени», успокоила она себя. Но где-то внутри, под сердцем, билось чувство, породившее мысль: «Он не мог подойти так тихо, лошадь не могла подойти так тихо».

Всадник откинул капюшон. Светлые волосы, мокрые от мороси, грубые черты лица, тонкий белый шрам над левой бровью. И серые глаза, которые смотрели на неё без интереса и без приветствия, а холодно оценивая.

— Ты Стужина, — сказал он. Голос низкий, грубый, с той хрипотцой, какая бывает у людей, которые предпочитают больше молчать, чем говорить.

— Я Катя, — поправила она, вздёргивая подбородок.

— Мне плевать, как тебя зовут. — Он скользнул взглядом по её лицу, по дешёвой куртке, по чемодану на колёсиках, который она прижимала к себе, как щит. — Дом Стужиных не продаётся. Никому!

Он дёрнул поводья и конь, слегка попятившись назад, сорвался прочь, растворяясь в тумане так же беззвучно, как и появился. Только грохот копыт на мгновение повис в воздухе, оставив после себя звенящую тишину.

Катя осталась стоять, поставив чемодан на землю и прижав ключ к груди. Сердце колотилось, а тело трясло, причем не от холода, а от чего-то, чему она не могла подобрать название. Этот низкий и грубый голос всё ещё звучал у неё в голове, и она понимала, что запомнила его навсегда не от того, что всадник возник из ниоткуда, а воздух вокруг него был холоднее февральского ветра. Возможно, причиной стали его серые и обжигающие холодом глаза, в которых она на секунду утонула, сама того не желая.

Она встряхнула головой, отгоняя наваждение.

Она снова повернула ключ, и замок отозвался мягким щелчком, будто дом узнал её. Катя прошла до крыльца и коснулась перил. Дерево отозвалось живым, как прикосновение кожи, теплом.

Тепло — это было первым, что она почувствовала, и вместе с ним пришли запахи: сосна, сушёные травы, мёд и, что-то ещё, чему она не могла дать имени, то, что мгновенно отозвалось в груди глухой, забытой болью, как отзывается старая рана на перемену погоды. Так пахнет память. Так пахнет дом, в котором выросла твоя мать. Под ногами, у самого порога, темнела ровная полоса соли, будто её просыпали за секунду до прихода Кати. Над дверью висела сухая рябиновая ветка, перехваченная чёрной нитью. Катя не знала, что это значит, но уверенно зашла в дом.

У печи стояла высокая женщина, прямая, с короткими и светлыми волосами, которые уже тронула седина. Ей было, наверное, около семидесяти, но спина её была ровной, как ствол сосны, а взгляд — спокойным и изучающим. Ни объятий, ни слёз, ни радостных восклицаний от женщины не последовало. Только этот взгляд, который скользил по Кате, собирая информацию.

— Вы Ирина, — сказала Катя. Ни приветствий, ни вопросов, только констатация факта. Она помнила имя из завещания. Ирина Стужина, владелица усадьбы, мать её матери - её бабушка, но такого обращения душа Кати на могла себе позволить после шестнадцати лет молчания, после шестнадцати лет оцепеневшей, брошенной жизни.

— Да, а ты Катя, — ответила женщина низким и тихим голосом. — Проходи, чай остывает, — сказала она просто, как само собой разумеющееся.

Катя не двинулась с места. Она стояла в дверях, сжимая ручку чемодана, и чувствовала, как внутри всё переворачивается. «Проходи, чай остывает» — так говорят соседке, заглянувшей на минутку. Не внучке, которая вернулась спустя шестнадцать лет.

— Вы знали, что я приеду? — спросила она.

— Знала.

— И откуда?

Ирина помолчала. Потом подошла к столу и села — не приглашая Катю, просто давая понять, что разговор будет сложным.

— Когда ты выехала, дом проснулся. Половицы закрипели, печь загудела и я сразу поняла, что ты возвращаешься. — Она подняла глаза. — Ты родилась здесь, Катя. В этом доме, на втором этаже. Дом тебя помнит и я тебя помню.

Катя смотрела на неё и не знала, что чувствовать. Перед ней была её бабушка — родная кровь, но слова застревали в горле, и она не могла назвать её «бабушкой». Это слово было слишком тёплым, слишком личным. Но все же она начала говорить.

— Знаете? — сказала она наконец, спустя короткую паузу, — А я ведь и не знала, что Вы еще живы. Первые семь лет моей жизни Вы были где-то здесь, вроде бы даже и появлялись, я определенно кого-то помню из детства, кто точно мог бы сойти за Вас, а потом ещё шестнадцать лет. — Катя набрала воздуха в грудь и обвиняя спросила — Где же Вы были? Хотя не отвечайте, полагаю всё также, где-то здесь. Но при этом ни единого раза Вы не приехали, ладно, путь не близкий, но ведь и не написали, не позвонили. А теперь Вы встречаете меня так, будто я просто задержалась в школе, это действительно очень по-родственному.

Голос её дрогнул на последнем слове. Она сжала зубы, не дав себе сорваться, но Ирина заметила, после чего медленно и без единого шороха, опустила ложку на стол.

— Я писала, — сказала она. — Каждый месяц, все шестнадцать лет. Твоя тётка возвращала письма. Я даже не знала, где ты, порой сомневаясь, что ты жива. — Ирина помолчала. — Ты имеешь право злиться, но злись на того, кто этого заслуживает. Я ждала тебя каждый день. Каждый день, Катя.

В комнате повисла тишина, наполненная и готовая лопнуть. Катя смотрела на эту женщину, свою бабушку и чувствовала, как к глазам подступают слёзы. Она сглотнула их, загнала обратно, как делала всегда, но что-то внутри неё дрогнуло.

Она не стала ничего отвечать. Просто села за стол и взяла кружку. Чай был горячим, с мятой и сушёной брусникой, от которого в груди разливалось тепло, которого она не ожидала. Но она продолжила, не желая молчать.

— Ждать каждый день, и встретить так сухо, как само собой разумеющееся, ни грамма эмоций, — сказала Катя, не ожидая от себя такой реакции.

— Все мои тревоги и переживания рассеялись в шестнадцать лет ожидания, но я действительно виновата, что утратила способность проявлять чувства, извини, — ответила Ирина, не дав почувствовать Кате нот сожаления в своём голосе.

— Ирина, — сказала Катя, пробуя имя на вкус. Не «бабушка», пока точно нет, а может быть и никогда.

Ирина едва заметно кивнула, принимая это обращение без обиды. Они стали пить чай молча, тишина переставала быть напряженной, какой бывает между чужими людьми, а предстала перед Катей в весьма странном, новом для неё виде. Молчание казалось нужным, потому что каждое слово сейчас стало бы лишним и, возможно, опасным.

— Зачем они это сделали? — наконец спросила Катя. — Я говорю про своих родителей. Зачем они ушли? Да еще таким способом, так безрассудно, лишив свою дочь детства?

Ирина долго смотрела в окно, на серое небо, на верхушки сосен. Потом сказала:

— Они не ушли. Они искали. Нашли то, чего не должны были найти. Уже поздно, а ты проделала долгий путь, теперь нужно идти спать. Ты устала Катя, нужно отдохнуть, тебе надо набраться сил. Завтра всё обсудим.

Катя было хотела возразить, что значит «завтра все обсудим»? Этот разговор возник через долгих шестнадцать лет и вдруг, человек, который многое хотя бы мог попытаться объяснить — уходит от разговора. Но Ирина скорее права, слишком много в душе возникает вопросов, слишком больно начинает стучать сердце, и она молча встала, взяла свой чемодан, выждала паузу и обратилась к Ирине.

— Я полагаю в доме есть для меня комната? — спросила Катя.

— На втором этаже слева, тебя проводить? — спросила в ответ Ирина.

— Пожалуй найду, — ответила Катя, направившись в сторону лестницы.

Только перед тем, как подняться наверх, она остановилась.

— Там был мужчина, — сказала она. — Прямо у дома встретил меня, вернее появился прямо из земли и надменно разговаривал.

Ирина, начавшая убирать со стола, замерла. Ложка звякнула о край чашки.

— Как он выглядел?

— Ну, знаете, у вас тут — это видимо норма: люди на конях ещё ездят, как в девятнадцатом веке. Он был высокий, плечи широкие. Светлые волосы, серые глаза. И главное над бровью у него белый, тонкий шрам. Смотрел на меня так, будто я на метле прилетела, и, кажется, готов был эту метлу сжечь вместе со мной. — Она хмыкнула. — Заявил, что дом не продаётся, представляете? Я даже не успела представиться, а он уже всё за меня решил.

Она говорила быстро, с легкой злобой, но щёки её чуть покраснели — то ли от гнева, то ли от чего-то ещё, в чём она не хотела себе признаваться. Воспоминание о его голосе всё ещё отдавалось дрожью где-то в груди. Ирина заметила это и ничего не сказала, едва заметно приподняв бровь.

— Алексей Волков, — ответила Ирина. — Наш сосед.

— Почему он говорил со мной так, будто знает меня и за меня же знает, зачем я приехала?

— Потому что знает. Он много чего знает, слишком много для человека, парюю предпочитающего жить отшельником в лесу.

— Дом не продаётся, — медленно сказала Катя — Он мне так и сказал, за меня всё решив и Вы, Ирина, полагаю согласны с ним.

— Что касается дома — Ирина помолчала. — Волковы живут здесь дольше, чем мы. И понимают больше, чем говорят, не спеши судить.

— А кто он тогда?

Ирина взяла кружку и сделала глоток — медленно, обдумывая каждое слово прежде, чем произнести его.

— Это долгая история, — сказала она. — И ты пока не готова её услышать. Все же иди пока спать, Катя, на утро все оставим.

Катя вновь хотела возразить, но, что-то в голосе Ирины, какая-то усталая, древняя печаль заставила её промолчать. Она развернулась и пошла к лестнице, чувствуя спиной, что Ирина смотрит ей вслед.

Комнату она нашла быстро, поднялась наверх, повернула налево. Села на кровать так, будто делала это и раньше много раз. Это была мамина комната, она почувствовала это сразу, по теплой обстановке, по нежному запаху.

Катя долго сидела на кровати, уставившись в стену. В мыслях всплывали серые глаза и шрам над бровью. Она тряхнула головой, стараясь отогнать образ, который в ответ все настойчивее возвращался опять.

Она встала и начала осматривать комнату. Старый шкаф, полный маминей одежды. Зеркало в потускневшей раме, книги на полках, которые она не решилась читать. После изучения комнаты, за дубовой дверью в конце коридора она нашла ванную комнату. Небольшую, отделанную белым кафелем, с чугунной ванной на львиных лапах и старым, сверкающим медным краном. Она смыла дорожную грязь, почувствовав, как вместе с водой уходит напряжение. Потом вытерла тело большим пушистым полотенцем и, не взяв своей ночной рубашки, решила порыться в шкафу, в котором нашла стопку постельного белья и старую, но тщательно выглаженную сорочку, пахнущую лавандой. Она надела её, и тонкая ткань легла на кожу, словно напоминая о чём-то забытом. В этом доме, она вдруг остро почувствовала, что она была лишена многого.

Вернувшись в комнату, она обратила внимание на прикроватную тумбочку, которую сразу не заметила. Любопытство заставило её выдвинуть ящик. Внутри лежала потрёпанная тетрадь в кожаной обложке. Страницы пожелтели от времени, но чернила были всё ещё яркими. На первой странице был угловатый девичий, но знакомый ей уже почерк:

«Елена Стуржина. Мой дневник.»

Катя замерла, её сердце пропустило удар и забилось сильнее. Она провела пальцами по буквам, словно доказывая себе то, что это почерк принадлежит её матери. Но в этот раз он был другим, не тот, который она видела в письме или старых открытках — суровый, взрослый, с торопливым наклоном, а более искренний и красивый, который может принадлежать только молодой девушке.

Она открыла первую страницу.

«12 июня. Сегодня мать взяла меня к Ключу, сказав, что я уже достаточно взрослая, чтобы почувствовать источник. Какое же разочарование её ждало. Как она мне и сказала, я опустила руку в воду, но ничего не почувствовала. Она по-настоящему расстроилась, а мне было всё равно. Я не хочу никаких магических признаний и откровений, этого родового дара. Я хочу быть просто девушкой, которая гуляет по лесу и собирает вереск.»

Катя улыбнулась, сама того не замечая. Она продолжала читать дальше, но усталость взяла своё, глаза закрывались и текст ускользал от понимания. Она быстро и не думая спрятала дневник под подушку так, как это делают с чем-то слишком ценным, с чем-то, что боишься потерять. Ирина не должна знать об этой находке. Это стало её тайной, её ниточкой к матери.

Она легла в постель, слушая как за окном перешептываются сосны. Впервые за много лет её постель не была просто местом, где можно забыться сном, а местом уюта и чувства безопас-

ности, которое испытывает младенец в руках у матери. И от этой мысли внутри разливалось тепло, смешанное с болью утраты.

Утро началось с запаха топлёного молока, печёного хлеба и чего-то сладкого, напоминающего мёд. Катя потянулась в кровати, на мгновение забыв обо всем.

Затем она спустилась в гостиную. Стол был накрыт иначе, теперь на нём стояла тарелка с пшённой кашей, политой мёдом, горка румяных калиток, плетёная корзинка с сушками. Катя уже и не помнила, чтобы кто-то готовил завтрак для неё. Ирина уже сидела за столом с неизменной кружкой чая, а перед ней лежала нетронутая калитка.

— Я здесь ненадолго, — сказала Катя сухо и уверенно, поставив перед фактом.

Ирина подняла бровь, и молча пододвинула к Кате тарелку с кашей. Катя села и начала есть, чувствуя, что голод, который она игнорировала со вчерашнего дня, вдруг проснулся с новой силой.

— Я осмотрю дом, может разберу бумаги, если они есть. Кстати, предлагаю продать дом. У меня сохранилось письмо от мамы, я его получила недавно, собственно это и есть причина того, зачем я приехала, или как ты мне планируешь отдать мою часть от наследства? — Катя, положило письмо от матери, которое она забрала недавно из банковской ячейки, указав на часть записи «получишь то, что у тебя отняли» и продолжила — Но, если продажа затянется, или ты не согласна продавать дом, — она сделала паузу — Плевать, жила и без этого, и дальше проживу. Главное я пойму для себя зачем мне это было нужно, пойму, «что у меня отняли», и уеду. Я не останусь здесь ни на день дольше, чем нужно.

Ирина молча отпила чаю.

— Ты вчера спрашивала, зачем твои родители это сделали, — сказала она наконец.

— Я не ответила, но готова теперь. Впрочем ты должна сначала кое-что увидеть и кое-что понять. Давай выйдем за околицу.

— И что же я там увижу? — иронично ответила Катя.

— Думаю то, что заставит тебя задуматься. — Ирина поставила кружку на стол. — Я не буду рассказывать тебе сказки, Катя. Ты, как я понимаю человек прагматичный и привыкла верить фактам, — с такой же нотой иронии в голосе, ответила она — Вот и пойдем посмотрим на факты. А после вновь поговорим.

Катя усмехнулась — не весело, а скорее устало, сказав в ответ, — Звучит как начало плохого квеста. «Пойди туда, не знаю куда, увидишь то, не знаю что».

— Примерно так, — Ирина чуть улыбнулась. — Ты злишься и это хорошо. Злость помогает видеть то, что разум отрицает.

— Я ничего не хочу отрицать. Раз обещала факты, что же, я жду с нетерпением, продажа дома я смотрю и не обсуждается.

— Не обсуждается — голос Ирины стал резко сухим и строгим — и ты сама поймешь почему. Ты получишь то, что хочешь. Завтракай, нужно идти к реке, Вейкко тебя проводит.

— Кто такой Вейкко? — удивлённо спросила Катя.

— Местный, — Ирина пожала плечами. — Он воду развозит по дворам, парень хороший, хотя и немного странный, может возраст сказывается — обыденно сказала Ирина, — но надёжный.

Катя оглядела кухню — добротную, с печью, с тяжёлыми балками под потолком, — и усмехнулась:

— А что, у вас нет водопровода? Дом-то каменный, двухэтажный. Или я чего-то не знаю о местных удобствах?

— Есть конечно, — Ирина снова улыбнулась. — Но воду, которую Вейкко носит, дом пьёт. Из крана вода ему не нужна и вовсе.

— Дом пьёт воду, — Катя хмыкнула. — Хорошо, что не кровь.

— Кровь он тоже пьёт, — спокойно ответила Ирина. — Когда надо, конечно.

В воздухе повисла пауза, Кате впервые не нашлось, что ответить и причиной тому был не голос Ирины, и не угроза, не шутка, а холодная, будничная констатация — заставила её замереть на полуслове.

— Иди, — сказала Ирина, выходя из-за стола. — Вейкко ждёт.

Она приоткрыла дверь и крикнула:

— Вейкко! Вейкко! Подойди.

Он возник у двери почти мгновенно — высокий и нескладный, в штормовке, которая была ему велика на два размера и топорщилась на плечах, как на вешалке. Весь он был какой-то незаконченный. Будто его собирали второпях и забыли поправить.

Руки слишком длинные, тонкие, цепкие пальцы, которые всё время двигались, теребили штормовку за край или поправляли шапку, и как будто назло Кате, перебирали разные, невидимые нити.

Катя поймала себя на мысли о том, что она слишком долго смотрит на его пальцы и не может оторваться. В этих пальцах было скорее что-то птичье, чем человеческое. Хотя ничего конкретного она не смогла бы назвать. Лицо у Вейкко было вытянутое, скуластое, простое, но с неестественно светлыми глазами, которые не были ни голубыми, ни зелеными, ни тем более уж карими, а блёклые, будто выпцветшие на северном солнце. В то же время Вейкко не пугал её, а скорее вызывал искреннее и детское любопытство, от которого даже поднимается настроение, которое она вчера почувствовала, когда дом отозвался теплом на её прикосновение. В целом он вызывал у Кати доверие.

Меня Вейкко звать, — выпалил он, и слова посыпались, как горох без остановки. — Я тут воду развожу по дворам, ну там ключевую, потому что в колодцах она не очень, а ключевая мягкая, ну и мелкую работу делаю, кому что надо: забор починить, дров наколоть, ну так это я а если крышу подлатать, что убрать, что сделать В общем без меня село - не село, жизнь не жизнь, вода - не вода...

Катя не успевала улавливать половину слов. Вейкко говорил так быстро, но странно было то, что ей не захотелось ни перебивать его, ни останавливать. Что-то в этом потоке было, успокаивающее. Как шум дождя за окном.

— ...хозяйственник незаменимый, мадмуазель, и в делах дурных не замечен! Много повидал, долго живу, многое знаю. Мост обещали новый построить! Так и где он? То-то и оно, не нравятся мне власти, и без них хорошо. Я Вам и ЖКХ, и дрова для печи, да хоть уголь, мы за современные технологии...

Он говорил и всё время двигался: перекидывал лямку рюкзака с плеча на плечо, поправлял шапку, которая тут же сползала обратно, одёргивал рукава. Ему бы рэп читать, подумала Катя с сарказмом и невольно улыбнулась.

В этот момент Вейкко, не останавливаясь, сказал:

— искусство я люблю, мадмуазель, очень люблю! Сам бы, может, на сцену подался — рэп этот ваш читать или стихи декламировать, — но не могу я это село бросить. Связь с природой, она сильнее силы искусства! Деревья, они ж не обманут, не предадут, им не важно, кто ты — человек, зверь или просто заезжий гость, они всех принимают одинаково.

Катя смотрела на него, забыв закрыть рот. Он что, прочитал мысли? Или это просто совпадение? Но то, что он сказал дальше, про природу, которая принимает всех, задело её куда сильнее. Она сама не ожидала, что эта простая, коряво высказанная мысль отзовется в ней таким острым, щемящим чувством. Ей вдруг до боли захотелось, чтобы это оказалось правдой.

Но Вейкко уже нёсся дальше, и его голос снова стал тем самым бормотанием, в котором слова теряли смысл.

— ...мам и пап ваших знал и уважал, рекомендую, без меня Вам тут и никуда Роман Александрович, бывало, удивлялся...

Катя вздрогнула. Роман Александрович — так звали её отца. Она не слышала упоминаний об отце много лет, и теперь оно прозвучало из уст странного водоноса, который только что сравнивал себя с рэпером и говорил о мудрости деревьев.

— Откуда вы знали моего отца? — перебила она, но Вейкко уже ушёл дальше по течению своей речи — про Вологду, про свои поездки и она потеряла нить.

Катя хотела схватить его за рукав, заставить остановиться, но что-то в его глазах заставило её замереть. На мгновение они перестали быть блёклыми, а стали глубокими и старыми. А потом он моргнул, впервые за всё время, и снова стал самим собой.

— Вейкко, ну ты мою внучку то не смущай, говори, говори, да не заговаривайся. Село не село без него, Внучка это моя - Катя. Будь любезен почтительно и с уважением. Зубы то, не заговаривай, — оборвала его Ирина.

Внучкой назвала, забыв про Вейкко подумала Катя. Ну надо же, гордая бабушка дождалась встречи с внучкой, уже взрослой внучкой. Затем она вновь обратила внимание на Вейкко, который говорил, хвастался и всё время двигался, но речь его была уже словно белый шум.

Катя смотрела на него и не могла понять, что именно её смущает в этом Вейкко. Вроде бы обычный человек, просто немного странный. И все же, что-то было в нем не так. Что-то она упустила. А вот зачем он постоянно крутится, вертится, туда - суда как веник. Ну все - решено. Для всех он Вейкко, а я его просто «Веник» называть буду, подумала Катя, чтобы не заносило его на поворотах.

Но Вейкко все продолжал и не останавливался.

— И папу Вашего знал и маму, в общем почти родственники

— Так! Стоп! — воскликнула Катя — балагур ты какой-то Вейкко, с этих пор «веником» тебя звать буду, крутишься, вертишься, не останавливать.

Вдруг в воздухе возникла пауза, Ирина с изучающим любопытством стала рассматривать Катю, как Вейкко продолжил.

— Веником, — произнёс он это слово медленно, и его длинные пальцы вдруг перебрали воздух неуловимо быстрым, ловким движением, каким фокусник на ярмарке прячет монету в рукаве, а спустя мгновение достаёт её за ухом зрителя. — А знаете, мадмуазель, меня ведь так уже называли. Давненько правда. Было дело, правда довелось им не только воду из моих ведер пить, но и кровью их наполнить. А так хорошие были люди, жаль, что неладились.

Он улыбнулся широко и ужасающе. Катя почувствовала, как от этой улыбки сжалось всё внутри. Но в серьёз его слова не восприняла, слишком много слов для одного человека, просто балагур, решила Катя. А потом Вейкко снова задёргался, засуетился, будто и не было этой фразы вовсе.

— Но я не в обиде! Для вашей семьи — позволительно. Даже забавно. Веник так Веник, как скажете, мадмуазель

— Веник! Прошу не называть меня мадмуазель, у меня есть имя, на мой взгляд у меня весьма красивое имя, так что, прошу звать меня Катя.

— Как скажите-с, мадмуазель Кати, но повторюсь Давно живу, не могу отвыкнуть от этой моды на французский...

Вейкко продолжил свои рассуждения о жизни, но Катя его уже не слушала. Она украдкой посмотрела на его пальцы, которые снова перебирали невидимые нити, как у фокусника с монетой, оказывая какой-то гипнотический эффект на собеседника.

—... В общем — заканчивал Вейкко, — Без меня Вам мадмуазель Кати, пока что никуда, позвольте я проведу Вас до реки?

— Иди, — сказала Ирина. — Он проводит. Покажет тебе село и дорогу к реке.

— Ну ладно, прям какой-то квест, — пробормотала Катя, — Ну а ты же как? — обратилась Катя к Ирине.

— Я буду с тобой в мыслях, по привычке. Ну иди Катюш, сегодня тебе самой надо.

В этот момент Катя впервые почувствовала от Ирины, какую-то заботу. Как ребенок, лишенный любящей и заботливой семьи, она заметила долю чувственности в одной фразе Ирины, которую так и не посчитала «бабушкой», но все же энергию родной крови, она почувствовать смогла.

Затем Катя с «Веником» вышли за калитку, тот опять начал что-то рассказывать — быстро, почти захлёбываясь, — но она не слушала. Мысли всё ещё вертелись и крутились словно вихрь: о доме, странном гербе, ключе с волчьей головой, об Ирине, которая заявила, что знала о её приезде раньше, чем Катя села в автобус. Но больше всего её будоражил дневник. Он лежал в доме, в спальне под подушкой, но одно только знание того, что он есть, пробудило сердце, которое вновь почувствовало тепло. Словно мама скоро вернется и вслух прочитает ей самые важные страницы дневника, словно и не было шестнадцати лет оцепеневшей жизни в одиночестве.

Глава 2. Уроки молчания.

Катя всё ещё чувствовала на запястье мертвенную хватку Ирины, оставившую после себя холод. Перед самым выходом, когда Вейкко уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу у калитки, бабка преградила ей дорогу и молча втиснула в руки тяжёлый металлический термос.

— Зачем всё это? — раздражённо спросила тогда Катя, кивая на сутулый затылок Вейкко. — Если этот ваш Веник настолько незаменим, почему вы сами не пойдёте со мной? Если этот дом так важен и я не должна его продавать, докажите мне это сами.

Ирина посмотрела на неё сверху вниз. Взгляд её был темным, глухим, как застоявшаяся колодезная вода, в которой веками топили тайны.

— Потому что мне туда нельзя, — тихо ответила она, — Моё время на тропе вышло. Меня река знает слишком хорошо. Сделай я хоть шаг за околицу — и проснётся то, что пока просто наблюдает. А ты для них — тень. Никто. Пока не дотронешься до воды, тебя не видят.

— Тогда почему я должна идти с ним? Он же безумен. — Сказала Катя, вновь указав на Вейкко.

Ирина сжала её запястье с такой силой, что Катя тихо зашипела сквозь зубы.

— Он не безумен, Катя. Он — голос этого леса. Наш род связал его клятвой много веков назад. Он обязан довести тебя до Ключа и вернуть живой. Он расшибётся в лепёшку, но вытащит тебя из любой беды. Но его клятва работает только до тех пор, пока ты сама не нарушишь правила тропы. Сойдёшь с его следа, обернёшься на зов — его договор сгорит. И тогда он тебе не поможет.

Ирина наклонилась ближе. От её темных одежд и бледной кожи пахло сухой лавандой и горькой солью, словно запах увядания и старых слез. Она вытащила из-за пазухи маленький льняной мешочек и сунула его Кате в карман.

— Полынь и соль. Если станет совсем худо — сожми в кулаке, но не развязывай. Чужому в тень, своему в дом.

Катя лишь сжала зубы, не став ничего отвечать. Но мешочек из кармана не вынула.

— Лес выстроит для тебя коридор. Иди за Вейкко след в след. Если он остановится, ты стой и не дыши. А если вдруг начнёт насвистывать, заткни уши и зажмурься. И не слушай, что бы тебе ни чудилось и кто бы тебя ни звал. Поняла? Если ты не сделаешь этот шаг сама, река придёт за тобой прямо сюда, в эти стены. И тогда я тебя не защищу.

Катя поспешно кивнула и пошла вслед за Вейкко, решив больше не спорить с Ириной — ей хотелось вырваться из давящей атмосферы этого дома, чужого и всё ещё непонятного. Но когда над головой сомкнулись первые тяжёлые, сочащиеся смолой лапы елей, эти слова начали обретать пугающий смысл.

Она шла за Вейкко, стараясь наступать точно в его глубокие, расплзающиеся в грязи следы.

Погода портилась стремительно, словно сам северный край гнал чужачку прочь. Небо налилось сизым свинцом. Ветер, ещё недавно лениво путавшийся в кронах сосен, теперь яростно пригибал их к земле, рождая низкий, звериный рёв.

Вейкко шагал чуть впереди, странно ссутулившись. Его длинные руки безвольно висели вдоль тела, а тонкие пальцы по-прежнему непрерывно шевелились. Он молчал, и от этой звенящей немоты Кате становилось не по себе.

Чтобы не сойти с ума от монотонного хруста веток и гнетущего молчания проводника, Катя попыталась сосредоточиться на дневнике матери. Вчера вечером, прежде чем провалиться в тяжёлый сон, она машинально пролиستала несколько страниц. Чернила местами рас-

плылись, но в память въелись обрывки фраз, написанные с яростным, прорывающим бумагу нажимом: «коридор», «расщеплённая сосна», «не оборачивайся».

Вчера это казалось бредом испуганной девчонки, столкнувшейся с деревенской глушью. Но сегодня, когда деревья обступили её со всех сторон, эти слова ожили, новыми красками и словно кричали Кате, вырываясь из глубин её подсознания.

«Но лес больше не пускает меня гулять, — писала мать. — Он выстраивает коридор».

Катя физически ощутила этот «коридор». Деревья здесь росли неестественно густо, переплетаясь уродливыми ветвями над головой, образуя глухой, почти чёрный тоннель, через который скудно прорывался свет северного неба. Выход из него был только один — вперёд, к реке.

Вдруг Катя споткнулась о толстый скользкий корень, едва не влетев лицом в грязь. Вейкко даже не обернулся, продолжая свой мерный, нелепый шаг. Катя резко остановилась, переводя дыхание. Прямо перед ней, буквально в двадцати шагах, из тумана вынырнул чёрный ствол. Мёртвое дерево. Его макушку когда-то снесло ударом молнии, расщепив ствол надвое — в точности как двузубые вилы, уродливо вонзившиеся в серое небо.

На коре, у самого основания, виднелся вырезанный знак — кристалл, переплетённый ветвями. Тот же, что был на кованых воротах её дома. Катя не знала, что он означает, но отчего-то поняла: это не случайная метка. Это указатель.

По позвоночнику пополз ледяной пот. Мать не просто описывала свои страхи. Она оставила карту. И Катя прямо сейчас, шаг за шагом, повторяла её путь на себе.

В глазах замелькали вчерашние строки: «Когда пройдёшь сосну — не оборачивайся. Даже если почувствуешь шаги. Особенно, если шагов не будет слышно».

Катя сглотнула вязкую слюну. Ей мучительно, до одури захотелось оглянуться. Тишина за спиной внезапно стала тяжёлой, осязаемой, словно кто-то стоял прямо за её плечом, словно она почувствовала своим затылком чужое, холодное дыхание. Она сделала усилие, перешагнула через выступающий корень и поравнялась с мёртвой сосной. Вопреки всему, она не повернула головы. Только ветер швырнул ей в лицо горсть леденящей мороси.

Но стоило им миновать покосившийся забор заброшенного двора на окраине леса, как Вейкко резко замер. Вытянулся, как зверь перед броском. Его правая рука инстинктивно откинулась назад, загроживая Катю.

Из тумана бесшумно выехал всадник.

Алексей Волков.

Сердце Кати пропустило удар и забилось у горла, перекрывая воздух. Инстинкты умоляли бежать обратно к усадьбе, но ноги словно приросли к сырому мху. Алексей не смотрел на неё как на прохожую. Его взгляд скользнул по её лицу — неторопливый, удушающе тяжелый, осязаемый, словно прикосновение грубых мужских пальцев к обнаженной, незащитной шее. В серых глазах не было ни тепла, ни явной угрозы — только ледяная, гипнотическая бездна, которая разом лишила её воли. Внизу живота тугой горячей судорогой скрутился узел — темный, порочный отклик на этот холод и Катя начала задыхаться от внезапного прилива, пульсирующего тепла. Ей казалось, что он видит её насквозь: её слабость, её страх, её поджатый воротник куртки. И презирает её за это.

Грузный, величавый, вороной конь шёл под ним совершенно бесшумно. Копыта опускались в жидкую грязь, не издавая ни звука. Зверь фыркнул, но из его ноздрей не вырвалось пара, хотя у самой Кати от промозглого холода уже онемели губы. Конь словно не дышал.

Волков едва заметно прищурился, словно прочитал её мысли, и дёрнул поводья. Вороной перешёл на рысь, унося всадника в туман. Звуки от его движения не затихли, они просто исчезли в одну секунду, будто их вырезали из реальности.

Оцепеневшая от тишины Катя сделала шаг вперёд. Ведомая тёмным наитием, она подошла к месту, где только что стоял конь, и опустилась на корточки. В глине чернели глубокие,

чёткие следы подков. Земля под пальцами была ледяной и твёрдой. Настоящей. Катя провела ладонью дальше, туда, где всадник скрылся в тумане.

Следы обрывались. Ровная, нетронутая земля без единого отпечатка. Конь не мог взлететь, но он исчез.

— Эй, — хриплый голос Вейкко заставил её вздрогнуть. — Чего застыла? Река в другой стороне.

Катя поднялась, ноги словно больше не гнулись, она почувствовала, как колени мелко дрожат.

— Он исчез. Конь не дышал, Вейкко. Они просто растаяли.

— Может, и не дышал, — равнодушно бросил проводник, и его лицо на секунду утратило обычную придурковатую суетливость, став пугающе гладким. — Тут много чего не дышит. Привыкай.

— Что значит «привыкай»?! — злость наконец прорвала плотину оцепенения. — Кто он такой? Куда он делся?!

Вейкко обернулся. Его блёклые, выцветшие глаза скользнули по ней с какой-то древней, уставшей снисходительностью.

— Ты ведь Стужина, — произнёс он, и его голос зазвучал иначе — низко, со скрежетом, будто тёрлись друг о друга могильные плиты. — Вот и думай, как такое возможно. Только вопросов больше не задавай. До реки дойдём, и всё.

Он развернулся и пошёл прочь. Его походка изменилась: плечи опустились, словно на них навалилась тяжесть целого века. Кате хотелось сбежать обратно к усадьбе, но тёмная, властная сила, пробуждающаяся в самой крови, заставила её идти следом.

Тропа всё сужалась, превращаясь в скользкий глинистый жёлоб. С каждым шагом в сторону реки гул впереди становился громче, злее, будто сама река звала их к обрыву. Катя невольно вспомнила, как всего сутки назад проезжала эту реку с попутчиком и тот сказал что-то про непредсказуемый характер этих вод.

Когда они вышли к краю реки, у Кати перехватило дыхание: мост рушился, бурая глина кипела под опорами, река вздулась, неся вырванные с корнем ели. Тяжёлые стволы, как тараны, били по деревянным конструкциям. Пролёты лопались и с жутким скрежетом летели в пенящуюся бездну.

Внезапно с неба прямо к ногам Кати рухнула ворона, шея которой была вывернута под неестественным углом, а крылья моментально слиплись от чёрной грязи. Мутный, подёрнутый белесой плёнкой глаз птицы уставился прямо на Катю, а распахнутый клюв судорожно глотал пену с её сапог. Катя в ужасе пошатнулась.

— Назад! — Вейкко мёртвой хваткой вцепился в её локоть. — Берег подмыло!

Но, замороженная рёвом воды, она не могла пошевелиться. Земля под ногами задрожала, из-под подошв посыпались мелкие камни и край обрыва рухнул мгновенно. Катя даже не успела закричать. Мир перевернулся, и серое небо сменилось бурой, ревущей бездной.

Ледяной удар вышиб воздух из лёгких. Вода оказалась живой. Она вцепилась в неё десятками холодных, склизких лап, утягивая на дно, забиваясь в нос и рот. Намокшая куртка тянула вниз, как свинец, а в ушах ревели. Катя пыталась грести, но пальцы мгновенно окоченели, превратившись в бесполезные деревяшки. Её тащило под коряги, в самую темь, где река ворочала вековые камни. Она поняла, что река её пожирает.

В голове, уже вяло и безразлично, мелькнуло лицо матери. Не такое, как на старых фотографиях, а живое, каким она его никогда не видела. И вместе с этим образом пришла мысль — спокойная, почти равнодушная: «Мама тоже захлёбывалась? Или ей было всё равно?»

А потом мир погас.

Вдруг её запястье сдавило. Это была не рука, а чей-то железный, безжалостный капкан. Резкий рывок и, Вейкко выдернул её из течения с неестественной, пугающей лёгкостью, словно она была тряпичной куклой.

Катя рухнула в мокрую траву на самом краю уцелевшего берега, заходясь в мучительном кашле и выплевывая горькую, мутную воду. Тело сотрясала неуправляемая дрожь. Запястье, за которое её держал Вейкко, горело так, словно его прижгли клеймом.

— Дыши! Ну же! — хрипел над ней Вейкко. Его лицо было белым, как мел, а длинные пальцы мелко подрагивали. — Ты жива! Слышишь? Жива!

Катя приподнялась на дрожащих руках, преодолевая тошноту, и посмотрела на противоположный берег.

Там, на самом краю обрыва, тёмным силуэтом стоял всадник. Алексей Волков. Он не пытался помочь. Просто смотрел — неподвижный, холодный, как каменное изваяние. Но страшнее всего было то, что вокруг него царил мёртвый штиль. Бушующая река у копыт его коня была гладкой и спокойной, как тёмное зеркало. Он подчинил себе воду, и словно наблюдал за тем, как река утоляет свой голод. И, кажется, именно это его заинтересовало.

Их взгляды встретились сквозь стену дождя. В его глазах, брошенных на неё сквозь пелену воды, Кате почудилось не сочувствие, а холодный, оценивающий интерес. Словно он ждал, что река поглотит её, утопит, и был почти разочарован тем, что она выкарабкалась. И теперь одновременно и странно, и пугающе — впечатлён. Он развернул коня и растворился в стихии.

Вейкко грубо дёрнул её за шиворот, заставляя подняться. Ноги Кати подкосились. Промокшая одежда на ветру мгновенно превратилась в ледяной панцирь. Они пошли обратно, река преградила им путь. Дорога к дому слилась в одну мучительную, пульсирующую боль.

Гипотермия наступала стремительно. Катю колотило, зубы прикусили губу до крови, но вскоре дрожь утихла, сменяясь каким-то опасным, и в тоже время спасающим тёплом. Лес потерял очертания, превратившись в расплывчатые серые пятна.

— Иди, — рычал Вейкко, почти волоча её на себе.

От него пахло мокрой шерстью и сырой землёй. Его дыхание оставалось ровным, неестественно спокойным для человека, который только что вытащил утопленника из ревушего потока и тащит его на себе по сырой земле.

Через некоторое время спасительный запах печного дыма и жёлтый свет из открытой двери усадьбы вернули её к реальности. Ирина застыла на пороге. Её идеальный узел седых волос растрепался, платок съехал на плечи. В глазах плескался страх.

— Что стряслось?! — сорвалась она на хрип, срывая с Кати ледяную куртку прямо в сених. — Ты вся синяя!

— Мост — выдавила Катя сквозь зубы, рухнув на лавку у печи. — Мост рухнул. Я упала у обрыва реки.

Ирина замерла. Её лицо исказила смесь ярости и отчаяния. Она обернулась к двери, где в темноте стоял Вейкко.

— Убью паршивца — прошипела она.

— Он вытащил меня, — выдохнула Катя, закрывая глаза. — Если бы не он

Женщина ничего не ответила. Не обращая внимания на слабые протесты Кати, она стянула с неё остатки мокрой одежды и принялась яростно растирать её тело колючим полотенцем, пропитанным резко пахнущей мазью. Каждое движение отдавалось жжением, но тепло постепенно возвращалось в замерзшие мышцы.

Вдруг взгляд Ирины упал на правое запястье Кати. Туда, где её держал Вейкко.

Пальцы старухи замерли. На коже расплывался чёрный, неестественно тонкий синяк, больше похожий на глубокий ожог от калёного железа. Пять чётких, длинных полос, словно пальцы спасителя были длиннее и тоньше человеческих. На мгновение в глазах Ирины снова

мелькнул тот самый страх, который Катя видела у неё на пороге. Но Ирина быстро взяла себя в руки, плотно сжала губы и швырнула Кате сухую рубашу.

— Почему мост рухнул? — тихо спросила Катя, кутаясь в плед. — Ведь дождь шёл и вчера.

Ирина застыла у таза с грязной водой.

— Гнилой был, — бросила она слишком резко и принялась остервенело тереть деревянный стол тряпкой. — Сто раз властям писала.

— Ирина — голос Кати прозвучал настойчиво. — Вода тянула меня на дно будто живая. А на том берегу стоял Волков. Вода вокруг него она не шевелилась.

Мокрая тряпка с чавканьем выпала из рук женщины. Ирина медленно обернулась. Её лицо казалось высеченным из серого гранита.

— Никогда, — прошептала она одними губами. В этой тишине было больше угрозы, чем в крике. — Никогда не произноси его имя, пока одежда на тебе ещё влажная. Вода в этом доме она тебя запомнила. И она слышит.

Катя вздрогнула. Ирина поднялась и молча вышла из комнаты, оставив её наедине с пляшущими по стенам тенями от печного пламени. Она словно запретила себе переступить определённую грань: не удерживать, не спасать, не давать ответы, которые никто не услышит. Она лишь дала сухую одежду, словно выполняя свой долг, Катя должна была справляться сама.

Шаги старухи стихли в глубине дома. Катя медленно поднялась. Подчиняясь животному инстинкту, она подошла к тяжелой дубовой двери, дрожащими пальцами нащупала железную задвижку и с силой загнала её в паз. Ржавый лязг металла немного успокоил, внушая, казалось бы, ложное чувство безопасности.

Она повернулась к зеркалу над старым комодом. Мутное, с пошедшей чёрными пятнами амальгамой, оно отразило незнакомку. Волосы висели грязными, слипшимися прядями, губы были искусаны в кровь — Катя даже не помнила, в какой момент прокусила их, пока боролась с течением. Но страшнее всего были глаза. Расширенные зрачки почти затопили радужку. Это был взгляд человека, который заглянул за грань и увидел там что-то, что теперь отказывалось уходить.

Она подняла правую руку и осторожно оттянула рукав рубахи.

Чёрный след на запястье стал отчётливее. Кожа вокруг него припухла и горела сухим, пульсирующим жаром, резко контрастируя с общим ознобом тела. Это не было обычной гематомой. След выглядел так, словно под кожу залили тёмные чернила, которые теперь медленно пытались ветвиться, пуская тонкие нити к ладони.

Но думала она не о синяке. Она думала о том, что, когда мост рухнул и вода потащила её на дно, ей на секунду стало всё равно. Мелькнула мысль — спокойная, почти равнодушная: «Ну и пусть». И эта мысль напугала её сейчас больше, чем всё увиденное в лесу.

— Ну и пусть, — медленно, тихо повторила она вслух, ощутив горечь каждого слова на вкус.

— Это просто шок, — судорожно произнесла она вновь. Голос в пустой комнате прозвучал жалко и надтреснуто. — Я чуть не утонула. Это нормально, когда не хочешь бороться, когда умираешь.

Но она знала, что опять соврала себе. Она знала это с семи лет. С того самого утра, когда нашла их в спальне и не заплакала.

Она отвернулась от зеркала — не в силах больше выносить это зрелище. В отражении проступало что-то чужое, взгляд стал отстранённым, словно она уже не до конца принадлежала себе. Нужно было успокоиться. Нужно удержаться на краю, схватиться за любую трезвую мысль, пока этот дом, пропитанный безумием, не растворил её в своём мраке.

Катя вернулась в свою комнату и опустилась на край кровати, подтянула колени к груди и начала методично выстраивать в голове логическую стену. Пыталась рационализировать кош-

мар. «Это просто шок. Мост был старый. Конь дышал, просто в тумане не было видно пара. Вейкко — сильный мужик. Волков — местный землевладелец, привыкший наблюдать свысока. Всё можно объяснить».

Формулы работали. Страх неохотно отступал, уступая место спасительному скепсису. Дыхание выравнилось. Она почти поверила в свою ложь. С этой хрупкой, убаюкивающей мыслью она обессиленно рухнула на подушку и провалилась в тяжелый, вязкий сон.

Её разбудил звук.

Тихий. Монотонный. Настойчивый.

Царап... царап... царап...

Он шёл не от стен и не из коридора. Скребли снизу — прямо под её матрасом.

Сердце сорвалось в галоп, выбивая рваный ритм в груди. Затаив дыхание, Катя медленно запустила пальцы под подушку, нащупывая спрятанный дневник.

Обложка оказалась ледяной и абсолютно мокрой.

В лицо ударил удушливый, тяжелый запах речной тины и гниющей ольхи. Будто река протиснулась сквозь щели в полу и теперь дышала рядом, истекая болотной сыростью. Это не было мёртвой памятью. Это было приглашение.

Дневник впитал всё, что случилось днём. Его размокшая кожа сочилась овеществлённым страхом, словно сама тьма обрела плоть и теперь скользила по её пальцам. Книга откликалась на прикосновение иначе: не как старая реликвия или забытый дневник, а как послушный зверь, который годами ждал в темноте и наконец почуял кровь своей хозяйки.

Теперь их связывало одно. Ранее неведанная сила, окропилась водой. Холод въедался в поры, напоминая о тягучей глубине, которая едва не утянула её. Река не просто коснулась, а выжгла метку - несмыываемый, вечный отпечаток.

Катя сжала обложку, чувствуя, как вода проступает сквозь пальцы. Дневник требовал покорности и признания. И в этой могильной сырости не было утешения — только неизбежность.

Шестнадцать лет глухого, пустого оцепенения остались позади. Тёмный дом распахнул свои запертые двери. Глубина ждала, когда она сделает шаг навстречу.

На подоконнике, в слабом лунном свете, пробивающемся сквозь тучи, лежала одна-единственная свежая ветка вереска с нежно-розовыми цветами. А рядом с ней, чернея на белой облупившейся краске, висела жёсткая прядь конского волоса.

Она была влажной, и с неё на подоконник медленно падала крупная, тяжёлая капля воды.

Вся выстроенная за вечер логика разбилась вдребезги. Катя протянула дрожащую руку, коснулась ледяного волоса и сжала его в кулаке так сильно, что ногти впились в ладонь до боли.

Ирина не должна знать про сырость дневника, про её чувства и тем более про страх. И она не узнает.

Катя аккуратно, бесшумно, вытерла обложку сухим уголком простыни. Спрятала дневник под матрас с другой стороны. Прядь конского волоса и ветку засунула в подкладку куртки. Завтра она сделает вид, что ничего не произошло. Она будет вежливой и спокойной. Она будет играть роль растерянной городской дурочки, пока не поймёт, что здесь происходит.

Внутри неё, прямо под сердцем, где шестнадцать лет жила пустая, серая тишина, вдруг родилось что-то новое. Не страх. Не ярость. Холодный, спокойный расчёт.

Она не уедет. Но не потому, что дом или Ирина хотят её оставить. А потому, что теперь это её охота.

Глава 3. Ключ.

Утро встретило Катю тишиной. Буря стихла, но за окном клубился густой, почти осязаемый туман. Дом молчал, словно выжидая чего-то.

Открыв глаза, Катя выдохнула полной грудью и села на кровати. Она сразу потянулась к тайнику. Дневник был на месте под матрасом, он был сухой. Она провела пальцами по шершавой обложке несколько раз и, прежде чем спрятать обратно, на секунду прижала его к груди. Затем она вытащила из подкладки куртки прядь конского волоса и засохшую веточку вереска. Которые стала внимательно изучать, прокручивая их в пальцах, чувствуя каждой клеткой своей кожи их мёртвый холод. Она помнила, какими влажными, ледяными и пахнущими болотом они были прошлой ночью.

Затем она сжала их в кулаке и почувствовала, как медленно, словно вода в замерзающем Ключе, внутри растёт что-то тёмное, спокойное.

Она не испытывала страх, её сердце приняло решение быть холодной для всех. Разум стал расчётлив. Ирина не должна знать о дневнике. Не должна знать о том, что она видела в зеркале прошлой ночью. Никто не узнает, что её отражение показалось ей чужим, не узнает её мысль, мелькнувшую тогда, когда вода тащила её на дно: «Ну и пусть». Она не позволит себе проявить слабость.

Катя всё спрятала обратно в подкладку и натянула на лицо вежливую, отстранённую улыбку — маску растерянной городской дурочки, которая чуть не утонула, и теперь хочет поскорее уехать. Она вошла в гостиную чуть ссутулившись, стараясь занимать меньше места, чем обычно.

В гостиной пахло травами и топлёным молоком. Какой-то неожиданно привычный запах. Ирина сидела за столом, но на этот раз перед ней стояла нетронутая тарелка с кашей. У окна, скрестив руки на груди, в тёмной рубашке стоял Алексей. Катя заметила, что его плечи напряжены, а взгляд — тяжелее обычного. Между ним и Ириной повисла тишина, как после спора, оборванного на полуслове. Увидев Катю, Алексей не поздоровался. Только скользнул по ней тем же оценивающим взглядом, что и в первый день.

Ирина смотрела на Катю долго и изучающе, её взгляд изменился. Её глаза избавились от вчерашней паники, но сменились мрачной, почти скорбной решимостью.

— Ты готова, — сказала она. Это был не вопрос.

Катя стала говорить тише, немного улыбнувшись правым краешком губ. Она играла эту роль растерянной девочки с семи лет, и знала её безупречно. Сегодня она сыграет её снова.

— Да, — ответила Катя.

Ирина пододвинула к ней тарелку. Катя села, взяла ложку и съела немного каши. Ела без аппетита, не чувствуя вкуса. Просто чтобы не задавали вопросов. Потом отставила тарелку.

Алексей переступил с ноги на ногу, и половица под ним скрипнула. Ирина резко взглянула на него. Алексей в ответ надменно посмотрел в глаза Ирине. Катя заметила этот безмолвный обмен, но не подала виду того, что поняла: чужая здесь она, даже для Ирины.

Старуха же молча, через стол, пододвинула к ней небольшой предмет: старую, серебряную брошь в виде ветки вереска.

— Это носила твоя мать, когда шла к Ключу. Она верила, что серебро отводит лишние глаза. Я не знаю, правда ли это. Но пусть будет у тебя.

Катя взяла брошь. Холодный металл напомнил ей тот камень, к которому она прикоснулась в первый день. Она приколотла брошь к воротнику и ничего не сказала, а просто кивнула Ирине в ответ.

— Я пойду с вами, — поставил перед фактом Алексей.

Ирина поджала губы, но возражать не стала. Они вышли из дома.

Тропа вела через густой сосняк в обход реки. Лес казался Кате неестественно тихим, до звона в ушах. Птицы молчали, ветки словно не качались. Земля под ногами была сухой, потрескавшейся, хотя дождь лил весь вчерашний день. Воздух был словно стерильным и лишённым обычных запахов, свойственных лесу. Словно что-то высосало отсюда всю жизнь. Алексей шёл чуть впереди, его спина была напряжена. Ирина молчала, её молчание было тяжелее обычного.

Катя шла и чувствовала, что внутри нарастает тревога. Она думала о дневнике. О том, что мать его не спрятала, не сожгла, а оставила в тумбочке так, будто знала, что Катя его найдёт. Но почему? Что она хотела, чтобы дочь узнала? И почему Ирина, которая шестнадцать лет ждала её возвращения, ни разу не упомянула, что в комнате матери остался дневник? Ответа не было. Но Катя знала, что может его получить уже сегодня.

Тропа вывела их к небольшой, тихой, поросшей осокой заводи. На перевёрнутой лодке сидел человек. Он был стар, сгорблен, в брезентовом плаще, с лицом, изрезанным глубокими морщинами.

Когда они приблизились, старик медленно поднял голову. Его выпуклые, почти белые глаза смотрели мимо лица Кати. Он смотрел на её руки. На то место, где под рукавом горел синяк.

— Мертвая хватка, — проскрипел он. Голос был сухим, как шорох камыша. — Давно он так ни за кого не цеплялся.

Катя замерла. Ирина резко сжала её локоть и потянула дальше. В этом движении была не забота. Катя почувствовала, как пальцы Ирины едва заметно дрогнули. Достаточно, чтобы понять: старуха боится того, что сказал старик.

— Это Семён, — тихо сказала Ирина, не оборачиваясь. — Лодочник, не надо смотреть на него.

Но Катя успела оглянуться. Семён всё так же сидел на своей лодке, а его взгляд теперь был прикован к ней. И в этом взгляде было что-то, от чего её синяк запульсировал сильнее.

Наконец они вышли на поляну. Старая сосна, почти чёрная от времени, склонялась над расщелиной в гранитной плите. Из расщелины бил ледяной и неестественно прозрачный родник. Вода собиралась в чашу, выдолбленную в сером граните, иссечённом временем так, что края её казались оплавленными. На дне, под водой, лежала круглая пластина шунгита — матовая, почти невидимая, как зрачок, смотрящий из глубины. Вода не отражала ни неба, ни сосны, ни лиц. Только эту черноту камня. Над чашей поднимался холодный пар, оседающий инеем на корнях.

— Вот он. Ключ Памяти, — сказала Ирина. — Вода помнит всё, Катя. Каждого, кто к ней прикасался она хранит в себе. Твоя мать, я и твоя прабабка стояли здесь. Источник помнит весь наш род Стужиных. Настал твой черед. Вот и ты теперь, опусти в него руки.

Алексей встал поодаль, скрестив руки на груди, словно сторонясь чужой силы, которую он был вынужден признать. На Катю он не смотрел, только на воду.

Катя уверенно опустилась на колени перед чашей. Медленно, не давая себе времени на страх, она погрузила обе руки в воду по локоть.

Ничего, только обжигающий холод. Тысячи ледяных игл впились в кожу, заставляя пальцы онеметь. Катя стиснула зубы, но вода резко начала теплеть. Холод резко сменился жаром, который поднимался от пальцев к запястьям, обволакивал кожу, проникал внутрь, и с ним пришло ощущение. Это были не мысли, не образы, а именно страшное ощущение чьего-то присутствия. Ужас проник в её душу и отразился пронизывающей болью через позвоночник. Она больше не одна в своём теле. Кто-то ещё был здесь, внутри, готовый сжать её сердце. И он точно знает её. Знает так, как она сама себя не знала.

Она стояла у этого же Ключа, но чужими ногами и в мгновение перестала быть собой, а явилась молодой женщиной с распущенными волосами — своей матерью. Она чувствовала всё, что чувствовала мать. Это был такой липкий и парализующий страх, смешанный с яростью.

Мать смотрела в воду и Катя видела там лицо: мужское, молодое, с холодными серыми глазами. Это было лицо Волкова, только моложе. Вода вокруг него замерзала, покрываясь коркой льда, а он спокойно и почти ласково улыбался. И мать отдёргнула руки от воды, потому что поняла: он знает о ней всё. Он читает её, как открытую книгу.

Видение схлынуло. Катя снова стала собой, но руки всё ещё дрожали в тёплой воде. А потом накатилась вторая волна. Чистая, незамутнённая ярость. Ярость смешанная с болью от предательства. Ярость того, кто стоял здесь много лет назад. Это был Волков. Он тоже касался этой воды. Вода запомнила его боль и передала её Кате без остатка.

И вдруг Катя услышала голос.

Он был низкий, вибрирующий, пробирающийся под кожу через саму воду, через кровь, через кости. Он не похож на человеческий, но в нём не было угрозы. В нём была бездонная, невыносимая тоска. Катя почувствовала, как по щекам текут чужие слёзы. Этот голос не был чужим для Кати. Он звучал в унисон каждому году её одинокой, замершей на шестнадцать лет жизни.

— Ты ведь тоже почувствовала облегчение, когда они умерли? — произнёс голос. — Тишина... Покой... Никто больше не уедет, не бросит, не оставит тебя одну с чужими людьми. Никто больше не заставит тебя ждать. Я знаю этот покой. Я живу в нём уже триста лет. Иди ко мне, и тебе никогда больше не придётся притворяться, что ты горюешь. Никогда не придётся носить эту маску.

Катя хотела отдёргнуть руки, но вода держала крепче льда. Хотела закричать, но её голос пропал. Потому что голос говорил правду, ту самую правду, которую она прятала даже от себя. Ей хотелось его слушать. Не потому, что он её заставлял, а потому что он был первым, кто назвал её настоящую боль. Первым, кто не сказал «бедная сиротка». Первым, кто сказал: «Нет зла в том, что ты честна с собой».

Она почувствовала, как внутри что-то разжимается. Тугая, ледяная пружина, которую она носила в себе много лет, разжималась. Это было сладко. Так сладко, что Катя испугалась не голоса, а себя. Испугалась того, что если он замолчит, она сама попросит его продолжать. Она сама потребует рассказать ей всё до конца, всё, что она скрывает в себе.

Как вдруг, что-то горячее потекло по её верхней губе. Из носа медленно потекла кровь. Она капала в чашу, растворяясь в ледяной воде и в тот же миг, вода вокруг её пальцев пошла рябью. Катя почувствовала, как сознание начинает уплывать. Перед глазами всё помутнело и тогда грубые, сильные пальцы сомкнулись на её руке и рванули вверх, выдирая ладони из воды.

Катя вскрикнула, от отрезвляющей боли. Вода в чаше вздыбилась и с шипением опала. По поверхности пробежала мелкая рябь, ей показалось, что в отражении мелькнуло лицо — не её, не матери, а кого-то чужого. Незнакомое и жуткое лицо человека, с мертвенно-жёлтыми глазами.

— Не смей, — прорычал Алексей. Он стоял над ней упав на колени, в грязи, мокрый от внезапно хлынувшего дождя. Его пальцы, сжимавшие её запястье, были холодными и грубыми. Он не помогал ей — он удерживал её, как удерживают человека, который вот-вот сорвётся в пропасть.

Катя тяжело дыша рухнула на спину. Перед глазами плыли чёрные круги. Она поднесла пальцы к лицу и увидела на них тёмную, густую, почти чёрную кровь, чужую кровь.

— Я слышал... Он говорит не с тобой, Катя. Он бьёт в твою тень. В то, что ты прячешь. Это его оружие... он находит боль и делает её своей. Не смей ему верить. Имя ему — Падший.

Катя с трудом села, прижимая мокрые руки к груди. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот пробьёт рёбра. И вместе с болью, вместе с ужасом, она почувствовала стыд. Жгучий, невыносимый стыд от того, что голос Падшего говорил с ней на одном языке. Жуткий стыд, ведь она его понимала.

Алексей смотрел на неё, но привычный холод в его глазах исчез на мгновение. Осталось только узнавание. Он знал этот стыд, который когда-то испытал сам много лет назад, когда голос говорил с ним о Мише, о его брате.

— Откуда ты знаешь про него? — спросила Катя.

Алексей помолчал. Потом опустил на корточки рядом с ней.

— Потому что он говорил и со мной. Я много лет ищу своего брата — Мишу. В тот день я был впервые у этого Ключа. Голос Падшего я услышал тогда впервые. Он сказал мне то, что я сам боялся признать в себе. Что я устал искать, что я хочу, чтобы Миша был мёртв, а не жив. Потому что мёртвого можно похоронить и жить дальше. А живого нужно спасать и это невыносимо.

— И что ты сделал?

— Я разбил лёд. Также как ты сегодня воду. Но он вернулся. Он всегда возвращается. Потому что он питается не враждой. Он питается нашими тайнами. Тем, что мы прячем друг от друга и от самих себя.

Он протянул ей руку. Катя секунду колебалась, потом взялась за его ладонь и попыталась подняться. Ноги не держали. Она покачнулась и Алексей подхватил её, придержав за плечо. Она оказалась прижатой к его груди. От него повеяло каким-то спокойствием, ранее неведанным от других людей. Она чувствовала, как сильно и неровно бьётся его сердце. Он не отстранился, а задержал её на секунду дольше, чем требовалось. Но в этой секунде было не сочувствие, а напряжение. Взаимное раздражение, смешанное с чем-то более тёмным.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила она. — Ты же хотел, чтобы я уехала.

Алексей отпустил её и отступил на шаг.

— Потому что я думал, что ты сломаешься, — сказал он. — Я ждал этого. Я был уверен, что ты уедешь, как уезжают все. Но ты не сломалась и теперь я не знаю, что с тобой делать.

Он развернулся и, не сказав больше ни слова, исчез в тумане.

Только в этот момент Катя увидела Ирину, которая стояла у Ключа. Катя принялась вытирать кровь с губы тыльной стороной ладони, размазывая её по подбородку. Ирина ничего не сказала. Только взяла Катю за руку и повела прочь от Ключа.

— Что ты увидела, кто говорил с тобой? — спросила Ирина.

— Я не знаю, Волков назвал его Падшим.

— Что он сказал тебе?

— Правду, — ответила Катя. — Он сказал мне правду. И я не знаю, что с ней делать.

Ирина помолчала. Потом тихо ответила:

— Это и есть самое страшное. Не его ложь, а его правда. Волковы всегда говорят правду, они иначе не могут. Падший тоже был Волковым. Когда-то.

Катя повернулась к ней. Внутри что-то щёлкнуло.

— Падший был Волковым?

— Да. Он породил вражду, но предал свою кровь. И за это его заперли сами Волковы, потому что боялись его силы. Но они ошиблись в обряде и часть его духа осталась в Ключе. Но он не должен был тебя найти если бы не знал о твоём существовании. Он же знает, значит они ошиблись.

Ирина сжала её руку крепче и в голове её промелькнула мысль: «Они принесли напрасную жертву».

— Ты должна знать, на что идёшь, — продолжила Ирина. — Если ты будешь бороться с ним, тебе придётся бороться с собой.

Катя не хотела ей отвечать, и они шли молча и снова миновали заводь. Тот самый берег, где час назад сидел Семён-лодочник. Только теперь лодка была пуста.

— Не смотри на воду, — не оборачиваясь, сказала Ирина.

Но Катя не стала слушать и бросила свой взгляд в сторону заводи.

В тихой, неподвижной глади плавала старая, выцветшая лента. Катя видела такие ленты раньше в кошмарных снах. Их вплетали в волосы покойницам — молодым девушкам. Лента колыхалась на воде, не приближаясь к берегу, словно ждала кого-то.

Ветер стих. Они уходили от реки, оставляя гладкую как зеркало заводь. Катя обернулась и в этом зеркале заметила размытый силуэт, стоящий на том берегу. Она поймала его мертво-жёлтый взгляд, но он сразу исчез.

— Я же сказала: не смотри, — повторила Ирина. Голос её прозвучал глухо и устало.

Вернувшись домой, Катя сразу прошла на второй этаж в ванную комнату, где принялась мыть руки. Тёрла их долго, почти ожесточённо. Кожа покраснела, но ощущение чужого присутствия не уходило. А потом в воде, на самой границе света и тени, что-то проступило. Это была не грязь, не кровь, а тонкая, тёмная нить, которая извивалась под водою, как живая. Катя замерла. Нить дрогнула и через мгновение исчезла, заставив воду потемнеть.

В дверях стояла Ирина. Катя не слышала, как она вошла. Старуха смотрела на раковину, и ничего не сказала. Просто вышла прочь. И её молчание было страшнее любого объяснения.

Катя пошла в свою комнату и до самой темноты не выходила, прислушиваясь к звукам в доме и к гудению в собственных висках.

Вечером Ирина сама принесла ей кружку травяного чая и тарелку с ломтём ржаного хлеба и куском холодного масла. Поставила на подоконник, ничего не сказала, вышла. Катя не приоткрылась к еде. Чай остыл рядом с ней, пока она сидела у окна с дневником матери. Она листала страницы, пока не нашла ту, что искала. На ней были строки: «Он сам был когда-то рабом у судьбы, но свободу отдал небесам».

— Ты отдал свободу, — прошептала она. — А что получил взамен?

Дневник молчал. Но где-то глубоко под домом, в старом подземелье, тишина дрогнула. И красная нить на фреске натянулась чуть сильнее.

Катя этого не знала. Но она знала другое: она его поняла. И это понимание было опаснее любой ненависти.

Глава 4. Волков.

Алексей переступил порог, когда лес уже окончательно утонул в темноте.

Свет он не зажёл, а просто скинул мокрую куртку на лавку, тяжело опустился у остывшей печи и привалился спиной к шершавым брёвнам. Рубаха липла к телу. Холод медленно поднимался от поясицы к лопаткам, будто дом втягивал его в себя, проверяя на прочность.

Дом встретил его густой, влажной, почти живой тишиной. За три года Алексей привык к ней. Даже научился в ней дышать, но сегодня тишина была настороженной.

Он смотрел на свои руки и чувствовал, как в пальцах ещё живёт чужая боль.

Час назад этими руками он держал Катю за запястье. Она рвалась, но он не отпускал. Не из злости, а из страха. Из того древнего, звериного усилия удержать, не дать сорваться за черту, откуда не возвращаются. В какой-то момент он понял, что сжал слишком сильно. До боли. До хруста.

Теперь эта хватка жгла уже его самого.

Он подошёл к медному рукомойнику у двери и долго тёр ладони под ледяной струёй. Кожа горела. Вода смывала болотную грязь, но не смывала другое: чужой пульс, чужую хрупкость, въевшийся под ногти страх.

Когда он перекрыл воду, пальцы ещё дрожали.

Алексей не стал вытирать руки. Просто опустил их вдоль тела и прислушался.

В глубине дома скрипнула половица. Потом ещё одна.

Тихо. Как если бы по дальнему коридору прошёл босиком кто-то очень знакомый. Или очень старый.

Алексей не обернулся. В этом доме звуки редко означали движение. Иногда они означали память. Иногда — предупреждение.

За мутным стеклом чернел лес. Ветер бросал в окно крупу мокрого снега, и стёкла звенели тонко и слишком жалобно. Как всегда, над топью тлели болотные огни. Они были жёлтые, зыбкие, болезненно яркие, словно кто-то шёл сквозь трясину с прикрытой ладонями свечой.

Сегодня огни горели злее обычного.

Алексей нащупал под рубашкой шунгит на грубом шнурке. Камень был тёплым, словно живым. Даже в самые лютые зимние ночи он оставался для него единственным теплом в этих стенах.

Миша всучил ему его перед тем, как шагнуть в туман.

«Если я не вернусь, он покажет то, что я не успел сказать», — запомнил его слова Алексей.

Алексей стиснул камень.

Три года он ходил к Ключу, но тот был для него мёртвым. Три года ждал, что чужая вода даст хоть какой-то ответ. Но камень молчал. Молчал и родник. А сегодня всё изменилось.

Она пришла.

Стужина Катя.

И вместе с ней родник ожил.

Девчонка со взглядом, в котором было слишком много пустоты, смотрела на него не как на угрозу. Хуже того, как на досадную помеху. Как будто его можно было не бояться. Это бесило. Она становилась кривым зеркалом, в котором Алексей видел собственное бессилие.

Он не хотел её приезда. Но знал, что она придёт. Такие вещи он не в силах остановить.

Дом Волковых, приземистый, вросший в сырую землю, уже почувствовал её. В отличие от каменных хором Стужиных, пропитанных изразцовым уютом и лавандовым теплом, этот сруб пах мхом, хвоей и старой пылью. Он не обнимал — он требовал.

Алексей прошёл в свою узкую, аскетичную, как келья, комнату. Над изголовьем висел материнский оберег из полыни, перевязанный чёрной нитью. Он сел на край кровати, достал шунгит и положил его на ладонь.

Чёрный, матовый, иссечённый тонкими трещинами.

На столе стояла недопитая кружка чая. На табурете лежала рубаха, которую он так и не унёс в сундук. На подоконнике пучок сушёной крапивы, связанный суровой ниткой. Всё стояло на своих местах. И от этого казалось ещё чужим.

Когда Миша ушёл, Алексей ждал, что камень остынет. Станет просто мёртвой породой. Но он продолжал держать тепло: ровное, человеческое.

И в этом было самое страшное: знать, что Миша где-то есть. Но не здесь. Не среди живых.

Он поднёс шунгит к губам и выдохнул. Ни облачка пара. Ни отклика.

Из дальнего конца дома донёсся негромкий стук.

Потом ещё один.

Алексей сразу узнал этот звук. Это мать что-то перекладывала на кухне. Или плела оберег. Или просто не могла сидеть в тишине.

— Снова ходил к Ключу.

Голос Галины рассёк полумрак, как серп.

Алексей повернулся. Она стояла в дверном проёме — сухая, прямая, с тусклым серебром родового оберега на поясе. В её серых глазах не было усталости сына. Только жёсткая, режущая ясность.

— Ходил, — глухо сказал он, не оборачиваясь.

— С ней?

— Да. С ней.

Галина шагнула ближе и посмотрела в окно, на болотные огни.

— Она ведь Стужина. Ты знаешь, чем это закончится.

— Знаю.

Пауза повисла между ними, тяжёлая, вязкая.

Галина медленно провела ладонью по косяку двери, будто проверяя, не ведёт ли отсыревшее дерево себя неправильно. Потом усмехнулась — одними губами.

— Твой брат тоже думал, что знает всё.

У Алексея свело пальцы.

Миша ушёл за правдой и сгнил на болотах. С тех пор Алексей носил его молчание как проклятие, а чёрный камень — как последнюю угрозу.

— Я не он, — процедил он.

— Верно, — сухо сказала мать. — Ты хуже. Миша хотя бы не боялся говорить. А ты копишь молчание. Пока оно не начинает резать тех, кто рядом.

Она развернулась и вышла. В воздухе остался запах старости и ржавчины.

Галина не сразу ушла к себе. В конце коридора она остановилась, прижала ладонь к потемневшим брёвнам и на миг замерла, будто слушала, как дышит дом.

Дом дышал: медленно, тяжело. Как зверь во сне.

Она знала этот дом до последней щели. Знала каждый скрип под полом. И знала, что сын сейчас сидит у себя, сжимает камень и снова зовёт того, кто не отвечает.

На кухне, на столе, лежал оберег, который она начала плести в день, когда Миша ушёл. Чёрная нить, полынь и тонкая рябиновая ветка. Но вот узел так и не был довязан до конца.

Галина села, подтянула нить ближе и снова взялась за работу. Пальцы слушались плохо. Первый узел лопнул с сухим треском.

Она не дрогнула. Только посмотрела на оборванную нить, смотала её в клубок и начала заново.

Алексей тем временем сполз на пол и упёрся спиной в кровать, поджав ноги.

Он откинул крышку старого сундука и нащупал под слежавшейся одеждой камень.

Тёмный камень неправильной формы: с одной гладкой гранью и рваным сколом с другой. В общем обычный камень. Такой можно поднять на любом берегу. Но он был важен для него. Это был подарок от Миши.

Они тогда сидели у лесного озера, куда почти никто не ходил. Не место силы и не родовой источник. Просто вода, валуны и туман, лежащий на чёрной глади.

Волковы не считали воду своей стихией. Для них она была чужой. Как и всё, что связано со Стужиными.

Алексей швырял плоские камни, стараясь, чтобы те прыгали по воде. Миша сидел рядом, перекачивал в ладони гальку и молчал.

— Знаешь, что говорят? — вдруг спросил Миша. — Что вода всё помнит. Что можно прийти и спросить.

— Вода ничего не помнит, — отрезал Алексей. — Это сказки для Стужиных.

— Ну да, — хмыкнул Миша. — Зато камень точно помнит. Лежит себе и не делает вид, что понимает людей.

Он разжал ладонь.

На ней лежал тёмный камень с острым сколом.

— Держи, — сказал Миша. — Если вода у них всё помнит, пусть у нас камень забывает. Или наоборот. Как пойдёт.

Алексей тогда взял камень молча.

Больше Миша не вспоминал об этом камне. Алексей же сохранил его, сам не зная для чего.

А теперь этот тяжёлый, мёртвый, как всё, что осталось от брата, камень лежал у Алексея в ладони.

Он провёл большим пальцем по рваному сколу и подумал: «Миша ошибался. Камень ничего не помнит. Он просто есть». Какими горькими оказались эти мысли. Алексей убрал его обратно в сундук и закрыл крышку.

Потом он запрокинул голову и закрыл глаза.

Где-то под полом, в сырой глубине земли, что-то глухо ворочалось — то ли болото, то ли память, то ли кровь, стучащая в висках. Дом молчал, но это молчание уже не было пустым. Словно кто-то чужой не прячется, но очень внимательно вслушивается, словно читает их мысли, и выжидает лучший момент.

С кухни донёсся едва слышный шелест — мать снова тянула нить. И снова, он знал то, что нить порвётся, а старуха всё равно начнёт заново. Пока хватит пальцев. Пока хватит ночи. Веки тяжелели, сознание овеивал туман усталости, смешанного с напряжением. Он не знал, сколько просидел так, прежде чем глаза закрылись.

Когда он открыл глаза, за окном стоял серый, больной рассвет. Это был не свет, а его водянистая тень.

Алексей медленно поднялся, накинул куртку и спрятал горячий шунгит под рубашку. Камень жёг грудь, будто в нём билось что-то живое и злое.

В доме пахло утренним дымом и старым деревом. Галина была уже на кухне. Он услышал, как она поставила на плиту чугунный чайник и как коротко, сердито звякнула крышка, когда та не легла с первого раза.

Он прошёл мимо двери, не заглядывая.

— Поешь, — сказала Галина. Она не спросила, а произнесла это как обязательство, от которого не отказываются.

Алексей остановился.

— Я не голоден.

— Мне всё равно. Ты не спал. До вечера у тебя сил не хватит.

В её голосе не было ни тепла, ни упрёка. Только сухая, железная забота, которую он помнил с детства: мать никогда не спрашивала, хочет ли он есть. Она просто ставила еду на стол.

Алексей всё же зашёл на кухню.

На столе лежал кусок ржаного хлеба и стояла кружка остывшего чая. Галина сидела у окна, не глядя на него, и плела оберег. Пальцы её были худыми, сухими, и от этого казались ещё быстрее.

Алексей взял хлеб. Отломил немного.

— Я пойду к ней, — сказал он.

— Знаю.

Она не подняла глаз. Только нить в её руках хрустнула: лопнула.

— Тогда хотя бы не с пустыми руками, — добавила она, не меняя тона. — Не позорься перед Стужиными.

Алексей положил хлеб обратно на стол.

— Я не голоден, — повторил он.

Затем он вышел, но остановился в сенях.

Сквозь щель под дверью тянуло ледяным сквозняком. Где-то снаружи, над топью, коротко и хрипло прокричала невидимая птица. Это был словно оклик.

Алексей толкнул дверь и шагнул в серую, вязкую мглу.

Сегодня он пойдёт к ней.

Не потому что хочет. Потому что отступать больше некуда.

Глава 5. Чужой след.

Катя проснулась так, будто кто-то заставил её пробудиться, вырвав из сна.

Дом не шумел. Тишина была густой, настороженной, как вода в колодце перед тем, как туда бросят камень. Ей снилось как она стоит на пороге этого же дома и смотрит в окно на своё отражение. Отражение улыбается. Она же нет. А за спиной её улыбающегося отражения был кто-то с красным камнем на пальце. Кто-то шептал её имя так тихо, что его губы почти не двигались.

Прогоняя от себя кошмарный сон, она села на кровати и потянулась. У кровати лежал рюкзак, из бокового кармана которого торчал край её белого, бесполезного здесь мобильного телефона. В первый день пропала сеть, потом умерла зарядка. Мир уведомлений, новостей и чужих: «ты где?» так быстро стал казаться выдумкой. Теперь дом уже принимал её как свою, но Катя всё-таки воткнула зарядку в розетку у окна. Не глядя на чёрный экран. Вдруг когда-нибудь она поймает сигнал. Вдруг кто-нибудь спросит: «ты жива?».

Затем она привела себя в порядок, она уже привыкла к этой ванной комнате, которая целиком стала принадлежать ей, словно так было всегда. И вот она уже спускается по лестнице.

Внизу пахло привычным уютом, но было такое ощущение, что у печи едва слышно кто-то шуршит, но это были не шаги. Что-то странное, не похожее на хлопоты на утренней кухне. Словно кто-то быстро перебирает сухие травы. Катя задержалась на ступеньке, вслушалась и только потом спустилась, решив, что её почудилось.

На кухне она не увидела никого, но на краю печки стоял ещё тёплый, чугунный чайник. Две луковицы странно и величественно лежали под льняным полотенцем. Она осмотрелась и решила сама приготовить себе завтрак. Не пытаясь разобраться в том, как устроена печь, осмотревшись, она нашла под буфетом старую плитку с двумя конфорками. Сдёрнув с неё пожелтевшую клеёнку, она включила её. Плитка загудела низко и обиженно, как существо, которое разбудили после долгой зимней спячки. Руки работали сами по привычке: яйца, соль, огонь меньше и вот готовый, привычный завтрак аппетитно лег на тарелку. Затем она нашла кружку и заварила чай. Тёплый чугунный чайник оказался, кстати. Чайные травы, обнаруженные в буфете, пришлись по вкусу. Катя ела стоя у окна, так же, как когда-то в Екатеринбурге, в чужих квартирах, где после неё не оставалось даже запаха. Ароматный чай придал силы и уверенности.

Уже собираясь уйти, она заметила странность в стекле. Отражение остановилось на долю секунды позже, чем она сама. Катя моргнула. Наваждение исчезло. Осталось только неприятное эхо: будто в её отражении кто-то другой успел вдохнуть. Мурашки успели пробежать по телу, но значения этому она всё-таки не придала. Слишком много странностей за эти дни.

Она подошла к раковине и, помыв тарелку, кружку, вилку, она открыла ящик, в кухонном гарнитуре, который так удачно вписывался в обстановку дома. Разложив всё по местам её пальцы, наткнулись на что-то твёрдое. Это был старый конверт без марки. Внутри него была пожелтевшая фотография. Молодая Ирина, она узнала её с лёгкостью, слишком узнаваемый и сильный взгляд. С Ириной была женщина, очень похожая на маму, стояли они около их дома. На пальце у той, что была похожа на маму, было кольцо с красным камнем. Камень казался живым даже на бумаге, необычно живым.

— Ты понимаешь, — резкий голос Ирины у неё за спиной слегка испугал Катю, — в этом доме всю жизнь кормили всех и всегда. А теперь впервые за много лет кто-то поел в одиночку.

Катя сунула конверт обратно. Не обернувшись сразу.

— Я просто не хотела никого будить.

— Понимаю. Что делать, такие привычки. Но это вовсе не значит, что ты была одна, — Ирина провела тряпкой по столу. — Дом запоминает тех, кто делает всё в одиночестве. И запоминает надолго, он этого не любит. Особенно тех, кто прячет старые снимки.

Катя промолчала. Сердце необъяснимо стукнуло чаще, чем следовало. Но оправдываться было не в чем, да и не хотелось.

Вдруг в прихожей что-то грохнуло. Катя с облегчением подумала о том, как удачно прерван их разговор с Ириной. Но тут же последовал высокий, тревожный женский голос. Катя не знала, кто это. Голос женщины срывался на крик, полный животного ужаса. Этот крик разрезал тишину, как нож по сырой ткани.

— Ирина Егоровна! Беда! Аrinka погибает!

Это была Федосья, жившая по соседству. Она ворвалась на порог в мокром плаще, сбившийся платок съехал набок. Лицо у неё было серое от ужаса, губы дрожали. Пальцы вцепились в шаль так, что костяшки стали восковыми. За её спиной появился Алексей. Он шёл от леса, будто догонял этот крик. Куртка на нём была тёмная, влажная, а на плечах собрались капли тумана. У забора тяжело переступал конь, который всхрапывал, вскидывал голову, словно видел то, чего не видели люди.

Алексей следом за Федосьей переступил порог и сразу посмотрел на Ирину. В руке у него был тёмный гладкий камень. Катя это заметила, а также то, как он чуть одёрнул ладонь, когда их взгляды встретились. Будто камень стал горячее. Между ними снова легла та тишина, в которой смысла больше, чем в словах.

— Что случилось? — спросила Ирина ровно, но хрипотца выдала настигшую её взволнованность.

Федосья разжала пальцы. На ладони лежал маленький глиняный оберег — это был домовый, когда-то вылепленный детской рукой. Кусок на нём был отломан и скол чернел, словно по нему прошлись огнём. От трещины тянуло едва уловимой гарью.

Алексей не шевельнулся, но взгляд его стал тяжелее. Такие трещины он уже видел.

— Подклад, — тихо сказала Ирина, передав оберег в руки Алексея. — Чужой след на пороге, Федосья.

— Не местная работа, — добавил Алексей, поднося оберег к глазам. — Такая трещина не от наших. Она... зовёт. Кто-то просит ответа. — Сказал Алексей, возвращая оберег в руки Ирины.

Ирина не посмотрела на него, молча убрав оберег в карман.

— Я знаю.

— Откуда?

— Потом. Не при Кате.

В комнате похолодело. Катя не поняла, что именно в голосе Алексея заставило Ирину сжать челюсти, но воздух между ними натянулся, как струна.

— Ты пойдешь с нами, — бросила Ирина Кате. Голос жёсткий, но с усталой решимостью. — Дом уже начал считать тебя своей. Пусть видит, как и ты защищаешь своих.

Они вышли быстро, не обращая внимания на возгласы Федосьи. Туман, лежащий над селом, быстро поглотил их. У дома Федосьи Ирина замедлила шаг. Алексей присел на корточки, не касаясь земли.

— Шёл легко. Осторожно. Разворачивался к лесу. Не местный шаг. И останавливался у каждого окна... Считал.

Катя, не понимая, что происходит невольно наклонилась. Следы и правда вели к окнам, потом сворачивали. Это оказалось очевидным и для неё. Один отпечаток был явно глубже остальных. Человек стоял долго. Возможно он прислушивался.

Они зашли в дом. В сенях пахло луком, молоком и различными, режущими воздух травами, которые висели под низким потолком пучками, перевязанными красными нитями. Один

пучок висел криво, словно его задела плечом. В углу, под занавеской был глиняный горшочек с рутой. Растение оказалось чёрным, обугленным. Листья свернулись трубочкой. Почва покрылась тонкой коркой пепла.

Алексей остановился у горшка и смотрел долго.

— Рута взяла первый удар, — сухо сказал он. — Не будь её тут, боюсь, девочка сгорела бы в первую ночь. Кто-то знал, что она здесь.

У Федосьи в горле встал сухой ком.

— Я поливала её утром...

— А ночью она жива была?

— Была. Точно была! Я вставала воды попить, ночью она росла крепко, листья развернуты, ну всё как обычно, но уже утром смотрю, а она вся скрутилась, как от пожара.

Алексей кивнул. Взгляд его зацепился за пучок, перевязанный чёрной нитью. Но там должна быть красная, местные знают, как готовит обереги. Он сорвал травы и сунул в карман.

— Это ты вешала?

— Нет.

— Тогда кто?

Ирина оборвала резко:

— Потом. Сейчас главное Аринка.

В горнице, выгнувшись дугой лежала девочка, словно невидимая рука прижимала её к кровати. Глаза у неё были открыты, но зрачки бегали под веками. Дыхание хриплое, со свистом. Ирина быстрым шагом подошла к ней и тут же опустилась рядом, коснулась лба и замерла.

— След затянулся. Пошёл вглубь. Дёргать нельзя, а то память порвём. Нужно отводить на живое. Иначе будет ходить пустая. Как кукла.

Алексей скинул куртку, закатал рукава. Мышцы на предплечьях напряглись и выдали на внутренней стороне руки старый шрам: тонкая линия, похожая на след иглы, которой рвут не только плоть.

— Держи её, — приказала Ирина. — Не дай уйти за грань. Вырвется — потеряем и её, и часть тебя.

Катя встала у порога, не понимая, что происходит. Ирина достала из кармана пороговую щепу и протянула ей.

— Сожми. Не ломай. Это от порога нашего дома. Помнит, кто входил и выходил. Сейчас поможет срезать чужое. Держи в ладонях и крепко!

Дерево оказалось ледяным.

Повторяй за мной, но шёпотом, приказала Ирина:

— Следу тынуть. Узлу рваться. Чужому в тень,

Катя шептала вслед за ней:

— Следу тынуть. Узлу рваться. Чужому в тень.

Ладони у Кати загорелись. В воздухе сгустилась гарь. Аринка выгнулась сильнее, а из её горла вырывался тонкий, нечеловеческий стон.

— Следу тынуть. Узлу рваться. Чужому в тень, — громче стала проговаривать Ирина.

Катя шёпотом повторила:

— Следу тынуть. Узлу рваться. Чужому в тень.

Алексей резко выдохнул:

— Режь, Ира!

Ирина ударила ребром ладони по доске пола, и из щели под кроватью Аринки выкатилось что-то чёрное, покотившееся к ногам Кати.

Она подняла — это оказался обугленный кусок глины, который она отдала в руки Ирине и та поднесла его к сломанному оберегу, и части сошлись.

— Та самая часть. Отломили и зарыли под кровать ребенка. Как же подло.

У Кати к горлу подступила тошнота. Подклад разорвали надвое: одна половина у ребёнка под подушкой, вторая — под половицей. Тот, кто насылал, хотел связать жертву и дом намертво.

Аринка судорожно втянула воздух. Тело обмякло, но успокоилось.

Катя отдёргнула руку, уронив мешочек с пороговой щепой. Ладонь горела, как после ожога, но кожа была цела. Почти цела. На внутренней стороне проступил тонкий красный след, не рана, не царапина — это был оттиск щепы, вдавленный в кожу. Она подняла мешочек вновь, но он уже не обжигал ни холодом, ни жаром.

Ей захотелось спрятать ладонь в карман, но она заметил взгляд Ирины на себе.

— Это не рана. — Голос тихий; взгляд не отрывался от чёрного кусочка. — Щепка связала тебя с порогом. Ты держала её, пока мы срезали чужое. Часть следа прошла через тебя. Доска забрала его. Оставила отметину. Пока не остынет, тебе не стоит волноваться из-за этого.

Катя прижала ладонь к груди. След не болел, но пульсировал. Странно, что от него вверх, к локтю, поднималось едва уловимое тепло.

Алексей перевёл взгляд с её руки на лицо и ничего не сказал, но на его собственной ладони вспухла алая полоса, какая бывает только от ожога. Он сжал кулак, спрятав руку за спину, не издав ни звука.

Аринка медленно открыла глаза. Взгляд скользнул по матери и остановился на Кате.

— Тётя рыжая... Ты пахнешь мёдом. Как мама твоя пахла.

Внутри у Кати что-то оборвалось — это было воспоминание, которого она не помнила, но которое узнало её.

— Тётя с красным камешком приходила ночью, — тихо продолжила девочка. — Стояла у кровати. Колечко красивое, словно уголёк живой. Спрашивала, где пахнет мёдом. Но я ей не сказала.

— Почему? — выдохнула Катя.

Аринка слабо улыбнулась.

— Потому что ты хорошая. А она — нет.

В комнате стало тихо. Только ветер тёр голые ветки о крышу.

Девочка уже закрывала глаза, проваливаясь в ровный, безмятежный и здоровый сон. Федосья всхлипнула, бросившись поправлять одеяло, одновременно глядя спутанные волосы Аринки. Катя заметила, как она бормотала про себя что-то бессвязное.

Ирина выпрямилась. Короткий взгляд на Алексея, который уже стоял у окна, сжимая обожжённую руку. Он не повернулся. Скулы заострились — он держал внутри то, чему нельзя было вырваться.

— Пусть спит, — сказала она Федосье. — До утра не отходи. И никому не открывай. Кто бы ни стучал.

Федосья кивнула, прижимая к губам край платка. Потом перевела затравленный взгляд на Катю.

— Ты уж прости... Аринка всякое говорит. Может, примерещилось.

— Не примерещилось, — сказала Катя и сама удивилась, как глухо прозвучал её голос.

Федосья опустила глаза. Ирина тронула Катю за локоть.

— Идём.

В сенях Ирина задержалась у двери, что-то негромко сказав Алексею. Катя слов не слышала. Увидела только короткий кивок. Он накинул куртку и вышел следом.

Туман стал гуще, он уже лежал в низинах мокрой ватой, глотал шаги. Алексей шёл впереди широко, но медленно. Катя поспевала за Ириной. Слабость разлилась по ногам. Тошнило, но холод уже не кусал кожу, не забирался под рёбра.

Один раз Алексей обернулся. Проверил, не отстала ли она. Их взгляды встретились, и он сразу отвернулся.

— Что теперь? — спросила Катя в пустоту.

— Домой, — ответила Ирина. — Там решим.

У калитки дома Ирина остановилась.

— Ты ко мне. — Повернувшись к Алексею, сказала Ирина. Тон не терпел возражений.
— Руку обработаю. И не спорь.

Алексей промолчал. Конь терпеливо ожидал его у ворот. Он подошёл к нему и на секунду замер, прижавшись лбом к тёплой шее. Животное тихо, устало и тепло фыркнуло — почти по-человечески.

Они пошли в дом, где пахло остывшим дымом и полыньёю. Катя поднялась по лестнице, держась за перила, ноги были ватные. Пальцы на правой руке всё ещё мелко дрожали.

Закрыв дверь, она села на кровать и снова посмотрела на ладонь. Красная линия стала глубже, но она не горела и не ныла, как старый шрам перед дождём. Катя сжала и разжала пальцы. По коже пробежало тепло, словно чье-то дыхание коснулось руки.

Сидеть без дела она не могла долго. Достав из-под матраса дневник матери, она принялась его листать, сама не зная, чего ищет. Пальцы двигались быстрее глаз, пока не наткнулись на запись. Строчки были сделаны явно в спешке и с нажимом:

«Я снова видела её во сне. Женищину с красным камнем. Точно живым камнем. Она стояла на пороге и смотрела. Не входила, а просто смотрела. А ещё улыбнулась так, что я проснулась от собственного крика. Камень на её пальце точно был не драгоценным. Он был живым.»

Катя прижала дневник к груди. Впервые подумала о матери не как о жертве, а как о человеке, который что-то знал. И, возможно, она спрятала это даже от собственной дочери.

Внизу хлопнула дверь. Раздались тяжелые и медленные шаги по лестнице. Катя замерла. Шаги затихли у её двери.

Стука не было. Через несколько секунд половица скрипнула дальше по коридору. Алексей остался в доме и занял соседнюю комнату на этаже.

За окном над болотом горели жёлтые огни. Один был ближе, чем прежде. Он словно подрагивал, будто звал к себе.

Катя встала задёрнуть занавеску и замерла.

На запотевшем стекле, прямо перед лицом, проступал отпечаток чужой ладони, он был большой и с длинными тонкими пальцами.

Не снаружи.

Изнутри.

Она отшатнулась. Сердце сорвалось в галоп.

За стеной вновь скрипнула половица. И совсем близко, почти у самого уха, она услышала тихий голос Алексея:

— Не открывай.

Катя не двинулась.

За окном, в жёлтом мерцании, кто-то негромко, по-детски рассмеялся. Огонёк мигнул ещё на мгновение и погас.

Глава 6. Границы.

Медленно, как и полагается маленькому посёлку, просыпались Белые Ключи. Туман мягко ложился на зеркальные поверхности озёр и легко стелился по земле. В этом молочном мареве тонули очертания земли, дома, деревья, даже тропинки. Только силуэт усадьбы Стужиных вырывался из этой тишины, будто природа сама решила, что он заслуживает внимания.

Дома в селе дремали. Лишь над крышами поднимались дымы, и ветер рвал их, не давая окрепнуть. Усадьба Стужиных возвышалась над сосновым бором, будто сама дышала свежим, суровым воздухом. А дом Волковых — низкий, вросший в землю, словно одичавший зверь, напротив, — прятался на отшибе. Между этими двумя усадьбами не было ни леса, ни болота. Только старая, невидимая вражда, о которой в селе не говорили вслух, но помнили каждый день.

Алексей провёл эту ночь в доме Стужиных. Не в качестве гостя, а в качестве того, кого не стоит недооценивать.

У печи по-прежнему пахло печным дымом и свежим хлебом. Тревожная ночь закончилась. И Катя, проснувшись утром, вдруг поняла: за стенами этого дома, сколько бы сил ни бушевало, здесь она в безопасности. Но сразу же пришла тревога — это было слишком правильное чувство. Слишком удобное. Будто она обманывает себя, притворяясь, что больше не тоскует по старой жизни. А на деле именно здесь, вдали от всего, дышалось легче.

Она спустилась на кухню. Ирина сидела у окна и не обернулась. Стекло настойчиво, почти зло, царапал ветер.

— Уже на ногах? — спросила старуха.

— Ты тоже.

Катя сама удивилась, как легко перешла на «ты».

Ирина едва заметно улыбнулась.

— Сварю кофе. Или у нас только отвары? — Иронично спросила Катя.

— Есть кофе. Посмотри в банке над печью. — Ирина наконец повернулась. — Выспалась?

— Немного. А ты?

— Я просыпаюсь ещё до рассвета. Дом начинает вслушиваться... и я не могу не услышать.

Катя нашла турку, насыпала кофе на глаз и поставила на электрическую конфорку. Руки двигались привычно, без напряжения. Она вдруг поняла, что перестала чувствовать себя гостьей. Словно кто-то давно освободил для неё угол у плиты.

— Алексей ещё здесь? — спросила она, не поворачивая головы.

— Здесь. Ещё не спускался. — Ирина помолчала. — Уйдёт к Ключу.

Катя поставила турку на плиту.

— Я думаю, мне стоит пойти с ним.

Ирина не возразила. Только внимательно посмотрела на внучку.

— Да, ты пойдёшь, и я это вижу. Только страх мог бы тебя остановить, но тебе он не знаком.

— Нет, я боюсь, — призналась Катя. — Но остаться здесь, может быть, страшнее. Оставшись, я, может быть, так и не узнаю того, ради чего на самом деле оказалась здесь. Я дойду до конца.

Ирина кивнула, будто ждала именно этих слов.

— Тогда не спрашивай у него разрешения. Просто иди.

Катя выпрямилась.

— Я и не собиралась.

Шипящее масло на сковороде привлекло внимание. Взгляд Кати устремился на печь. Она по привычке начала варить кофе на электрической конфорке, которую обнаружила вчера, и не заметила, что Ирина этим утром использует печь по назначению. Старуха медленно подошла, разбила несколько яиц о сковороду и отошла.

— Садись. Поешь по-человечески.

Через мгновение перед Катей на тарелке лежала яичница — не каша, не калитки, а простая городская и привычная её еда. С корочкой по краю, с двумя жёлтыми глазами желтков, умело приготовленная.

— Ты приготовила для меня? — спросила Катя, не сдержав удивления.

Ирина чуть замешкалась.

— Хотела попросить приготовить. — И тут же, спохватившись, добавила: — Сама. Конечно, сама.

Катя посмотрела на тарелку, потом на Ирину. На кухне, кроме них, никого не было, но воздух за спиной вдруг показался ей плотнее, будто кто-то стоял у печи — невидимый, терпеливый, ждущий.

— Спасибо, — сказала Катя и села.

Она ела, чувствуя, как тепло растекается по телу. Впервые за долгое время завтрак не был просто топливом. Он был заботой — неловкой, спрятанной за сухими словами, но настоящей.

Сверху послышались шаги. Алексей спустился на кухню в той же тёмной рубашке, что и вчера, но теперь поверх был накинут старый жилет. Волосы он зачесал назад, и от этого лицо казалось жёстче, старше. На груди, под расстёгнутым воротом, на грубой верёвке висел шунгит. Катя заметила, как кожа под камнем покраснела, будто камень был горячим. Он не выглядел уставшим или неухоженным. Напротив, внешность его была безупречна.

Алексей не смотрел на неё. Он подошёл к столу, взял кружку с холодной водой, выпил залпом.

— Камень не остыл, он стал жарче, — сказал он Ирине. — Я иду к Ключу.

— Знаю, — ответила Ирина. — Катя пойдёт с тобой.

— Я не просил.

— А я не спрашиваю. — Катя отставила тарелку и поднялась. — Или ты боишься, что снова придётся силой вырывать мои руки из воды?

Алексей медленно повернул голову. В серых глазах мелькнуло что-то похожее на уважение, но тут же погасло.

— Там может быть опасно.

— Здесь тоже, — ответила Катя. — Вчера я это ощутила.

Он выдержал её взгляд, потом коротко кивнул.

— Хорошо. Иди собирайся. Выходим через десять минут.

Катя не ответила, а молча пошла к выходу и быстро шагнула за дверь, на крыльцо. Ирина смотрела ей вслед, и в этом взгляде больше не было наставления, а только глухое, сдержанное одобрение.

На улице ветер хлестал по лицу, как мокрой тканью. Конь Алексея стоял у калитки, привязанный к старой липе. Он прядал ушами, переступал с ноги на ногу и негромко, тревожно всхрапывал. Катя не смогла удержаться и подошла ближе. Животное покосилось на неё влажным тёмным глазом, и в этом взгляде не было ни злобы, ни страха — только глухая, звериная тревога, от которой у Кати сжалось в груди.

— Тише, — сказала она негромко. — Тише.

Конь перестал переступать. Катя осторожно положила ладонь ему на шею, под гриву. Кожа под рукой была горячее, дрожащей.

Какое-то новое чувство пронзило Катю. Не мысль, не видение, а волна. Тёплая, густая, она поднялась от ладони к затылку и затопила сознание. Катя на секунду перестала чувство-

вать собственное тело и стала чувствовать другое: сильные ноги, тяжёлое дыхание, запах сухой травы и воды, и образ. Это был Алексей, стоящий в грязи, прижимающий к груди конскую голову. В этом образе не было слов, только ощущение: он не бросит.

Катя отдернула руку.

Сердце колотилось. Она стояла, прижав ладонь к груди, и не могла понять, что это было. Конь смотрел на неё всё тем же тёмным глазом, но уже спокойно.

Сзади подошёл Алексей.

— Что ты с ним сделала? — спросил он, и в голосе его было недоверие.

— Ничего. — Катя сглотнула. — Просто успокоила.

Алексей посмотрел на коня, потом на неё.

— Он не признавал никого и никогда не подпускал к себе кого-либо, кроме меня.

— Значит, я для него не чужая, — ответила Катя, сама удивляясь своим словам.

Алексей ничего не сказал, но что-то в его лице дрогнуло.

Катя снова подошла к коню, отвязала повод от липы.

— Не надо вести его к Ключу. Он этого не хочет.

— Я знаю. Но не брошу его одного.

— Около дома есть стойло, я лучше отведу его туда, там он будет чувствовать себя в безопасности, — сказала Катя. — Я отведу.

Алексей замер.

— Это дом Стужиных.

— Ты тоже здесь ночевал, — сказала Катя.

— То я. — Алексей кивнул на коня. — А он — часть нашего рода. Ему труднее.

Катя погладила коня по тёплой шее.

— Он не виноват ни в чём. Пусть побудет здесь. Я не дам его в обиду.

Алексей долго смотрел на неё. Потом кивнул.

— Веди.

Катя провела коня во двор, к старому стойлу, притаившемуся за домом. Дверь была закрыта на ржавую щеколду, но открылась легко. Внутри пахло сухим деревом и старой пылью. Катя завела коня, устроила, убрала из-под ног обломки досок. Конь стоял смирно, только один раз толкнул её носом в плечо — не грубо, а доверчиво и как-то благодарно.

Она вернулась в дом за курткой. Ирина стояла в дверях. Она видела всё: как та отвела коня в стойло, и ладонь на конской шее. Лицо её изменилось.

— Ты успокоила его коня, — сказала Ирина. Это была не похвала, а почти испуг. — Ты Стужина, ты чувствуешь, читаешь энергию воды, хотя ещё и не осознаёшь этого. Ты можешь почувствовать присутствие чужой крови, вода может передать тебе чужую память, но только ту, с которой кто-либо поделился сам. Ты можешь увидеть воспоминания даже мёртвого. Такой уж у нас дар. Но тайны и чувства живого существа, пусть и животного... Не слышит никто. — Она помолчала, и в этой паузе было больше, чем в словах. — Мог слышать только один.

— Кто? — спросила Катя.

Но Ирина уже отвернулась к печи и отвечать не стала.

Не дожидаясь её ответа, Катя вышла к калитке. Алексей всё так же стоял, глядя в сторону леса.

— Ты готова? — спросил он.

— Да.

И они пошли.

День становился прозрачным и холодным. Ветер тянул с болот, швырял под ноги сухие ветки. Лес стоял чёрный, ошетилившийся, но не пугал, а настораживал, как зверь, который следит из чащи, не приближаясь.

Катя шла чуть позади Алексея. Ей хотелось спросить про сон, про связь, про то, что она почувствовала возле коня. Но что-то удерживало: не страх, а ощущение, что слова могут разрушить хрупкое равновесие.

За спиной, в глубине леса, хрустнула ветка. Потом ещё. Кто-то шёл следом — не таясь, но и не приближаясь.

— За нами идут, — сказала Катя, не оборачиваясь.

— Вейкко, — так же не оборачиваясь, ответил Алексей. — Он всегда идёт за теми, кого зовёт вода. Не смотри на него. Ему это не нравится.

Катя не обернулась. Но затылком чувствовала чужой взгляд — блёклый, немигающий, — и от него по коже шли мурашки.

Алексей первым нарушил молчание.

— Ты что-то почувствовала. Там, с конём.

— Да, — ответила Катя. — Но я не знаю, что это.

— Это дар, — сказал он, не оборачиваясь. — Стужины всегда чувствовали только воду. А ты, похоже, слышишь живые чувства. Моего коня например.

Катя не знала, что ответить. Внутри всё ещё было тепло от того чужого, звериного доверия, которое она ощутила.

— Это плохо? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Алексей. — Но теперь понятно, почему Аринка сказала, что ты пахнешь мёдом.

Катя промолчала.

Лес расступился. Поляна с Ключом лежала перед ними, как вырезанная из другого времени. Ни тумана, ни ветра — только старая сосна над гранитной чашей и чёрная, гладкая вода.

Катя остановилась.

— Он зовёт, — тихо сказал Алексей.

Катя прислушалась. И снова, как вчера, она не услышала, а почувствовала, как из глубины прорывается низкий, подводный гул, идущий от чаши.

Алексей снял с шеи шунгит. Кожа под ним была воспалённой, красной, как после ожога. Камень, лежавший теперь в его ладони, пульсировал, словно маленькое сердце.

— Дай руку, — сказал он.

Катя посмотрела на него.

— Зачем?

— Он зовёт тебя. Разве ты не слышишь?

— Слышу. — Она шагнула ближе. — Но я сама решу, когда опустить руку.

Алексей криво и устало усмехнулся.

— Ну так решай.

Катя протянула правую руку. Алексей вложил камень ей в ладонь и накрыл её пальцы своей ладонью. От его кожи шёл жар.

— Не отпускай, — сказал он. — Что бы ни увидела.

И они вместе опустили соединённые руки в воду.

Ключ открылся им.

Мир исчез, провалился, будто кто-то выдернул из-под ног землю. Не было ни поляны, ни сосен, ни ветра. Только вода, которая то обжигала холодом, то была необъяснимо тёплая и живая. Она шла под кожу, в кровь, в кости, и в ней не было милосердия: она не обнимала, она впитывала.

Катя чувствовала два движения разом. Её медленно и уверенно тянуло вниз так, как втягивают сыпучие пески. Навстречу, из глубины, что-то поднималось. Чтобы встретить. Чтобы узнать.

Видение вспыхнуло резко.

Это было болото. Серое, зыбкое, с чёрными корягами, проступившими из трясины, как рёбра. На берегу, по колено в грязи, стоял молодой парень, которого Катя не знала, но Алексей ждал этого видения много лет. Это был Миша — такой, как на старых фотографиях: высокий, немного сутулый, волосы его были облеплены водой. Но глаза — не серые, а жёлтые. Как болотные огни, что заманивают и не греют.

Он поднял руку. Указал не на неё, а сквозь неё. Туда, где Катя под рёбрами прятала то, чего не говорила даже себе.

Губы задвигались беззвучно. И Катя услышала этот голос:

«Тебе стало легче, когда они умерли. Я знаю. Я единственный, кто не отвернётся».

Вода закипела.

Катя закричала и голос пропал. Руку свело судорогой, камень раскалился так, что казалось: сейчас ладонь вспыхнет вместе с костью. Она рванулась. Алексей держал.

— Не отпускай! — Голос пробился сквозь гул, как сквозь толщу омута. — Что бы ты ни видела — не отпускай!

Жёлтые пятна заплясали перед глазами. Миша сделал шаг и болото пошло за ним, потянулось к ней тонкими водяными пальцами. Ещё секунда и вода найдёт её горло.

Алексей резко притянул её к себе.

Свободной рукой схватил её за затылок, в волосы, жёстко и без спроса прижал её губы к своим губам.

Это не было поцелуем.

Это был захват, он хотел удержать и не позволить злой силе забрать её. Он давил, будто хотел выдохнуть в неё собственную кровь. Катя вцепилась в его рубашку свободной рукой. Камень оставался между их сплетёнными ладонями, врезаясь в кожу обоим и раскаляя воду. В один момент она прокусила ему нижнюю губу. Вкус железа, тёплый и живой, ударил по языку, и болото качнулось, отступило.

А потом что-то сдвинулось.

Он всё ещё держал её за затылок, но пальцы разжались, разошлись, легли иначе — не чтобы удержать, а чтобы не отпустить. Разница была в доли секунды, но Катя почувствовала её. Он больше не тащил её из воды. Он был в этой воде вместе с ней.

Она перестала кусать его губы. Мышцы лица расслабились и впустили его. Жар из его тела шёл ей в кровь напрямую, минуя разум, и то, что он глушил годами, а она хоронила под мёртвым спокойствием, встретилось и опалило обоих.

На мгновение исчезли болото, образ Миши и даже Ключ.

Остались только они вдвоём — это была их встреча, их боль объединилась, их руки, камень, вжатый в две ладони, превратились в одно, общее дыхание, которое они уже не делили на своё и чужое.

Через мгновение чужая рука выдернула их из той реальности.

Это была длинная, с нечеловечески цепкими пальцами, мокрая до локтя рука. Она впиалась им обоим в плечи и рванула назад с такой силой, что связь оборвалась. Катя рухнула на землю и стала жадно, захлёб хватать воздух. Он был холодным, режущим лёгкие. Рядом, опираясь на локоть, тяжело дышал Алексей. Губа его была разбита, по подбородку тянулась алая струя крови. Он посмотрел на Катю, а затем на свою ладонь.

Над ними, вытянувшись во весь рост, стоял Вейкко. Лицо белое, как береста, блёклые глаза горели сухим огнём. Руки его были мокры до самых плеч и с них капало, хотя рядом не было ни лужи, ни ручья. По запястью, там же, где у Кати, шла синеватая метка. Он открывал рот и беззвучно, страшно, всем телом кричал, издавая свист и оглушая всё вокруг, а скрюченным пальцем указывал им в сторону леса.

Катя подняла глаза на Алексея. В чёрном шунгите, там, где ещё вчера была тонкая нить, теперь зияла глубокая, рваная, как рана трещина.

— Ты видел? — прошептала она, облизнув солёные от крови губы.

Алексей не услышал её, но также шёпотом произнёс:

— Миша.

Вейкко дёрнулся снова, показал на тропу. На опушке, между сосен, метнулась быстрая тень. Свист прекратился.

— Уходим, — бросил Алексей и поднялся.

Катя встала с трудом. Тело было ватным и чужим, будто она оставила часть себя в воде, и вода эту часть уже не вернёт. Они пошли прочь, не оглядываясь. Вейкко остался у Ключа, его свист снова стал пронзительно разрывать воздух. Оставляя в ушах ещё долгий, тонкий след. Это был тот самый свист, о котором предупреждала Ирина.

Они уходили в глубь не оборачиваясь. Через некоторое время стало тихо. Ветер стих, будто сама земля затаила дыхание. Катя шла за Алексеем, спотыкаясь, но не отставая. На ладони, где лежал камень, проступил тёмный, с синеватым отливом след.

Подойдя к селу, Алексей остановился, его лицо было тревожным. Он резко обернулся. Так, что Катя едва не налетела на него.

— То, что было у Ключа, — начал он.

— Не надо, — сказала Катя.

— Надо. — Он смотрел ей в глаза. — Скажи, что это была вода. Что это она втянула нас.

— Это была вода.

Он молчал. Между ними висело то, что оба уже знали и ни один не хотел называть первым.

— А ты? — спросил он наконец. — Что ты чувствовала?

Катя открыла рот. Правда была близко — тёплая, стыдная, живая.

Но она сделала то, что умела лучше всего с семи лет. Спрятала одну правду за другой.

— Ты ведь знаешь, я не плакала, когда нашла родителей мёртвыми. Я вновь почувствовала сладкий вкус правды, которую прятала от себя.

Она смотрела, как он реагирует на её слова. Ждала, что он отшатнётся — тогда он забудет про это прикосновение губ, про этот укус, про воду и про то, что было секунду назад.

— Мне стало легче, — договорила она.

Алексей не отшатнулся. Хуже — он посмотрел на неё внимательно, как смотрят на трещину в стене, прикидывая, обвалится дом или ещё постоит.

— Ты хочешь, чтоб я отступил, — сказал он. — Чтоб я испугался и забыл про то, что на самом деле было сейчас?

Катя молчала.

— Не выйдет. Я три года живу узнав то, что на самом деле хочу смерти брата. — Он вытер разбитую губу тыльной стороной ладони и размазал кровь. — Между нами есть разница, Катя, и она в том... В том что я сам себя разрушаю за то, что осознал. А тебе стало легче, после того как ты почувствовала ту самую правду, от которой бежала много лет.

Он развернулся и пошёл к дому Стужиных.

Катя некоторое время постояла, прижимая ладонь с синей меткой к груди. Её глаза были сухими, она не проронила ни слезы: ни тогда, на полу, рядом с остывшими телами, ни теперь. Она снова почувствовала себя той семилетней девочкой, что сидела и ждала, когда мёртвые проснутся.

Но впервые за все эти годы ей захотелось, чтобы кто-нибудь заставил её заплакать.

У калитки их ждала Ирина. Она перевела взгляд с лица Алексея на Катю, потом — на её ладонь.

— Вы открыли Ключ вдвоём, — сказала она. Голос был ровным, и от этого страшным. — Теперь вода вас помнит. — Он помолчала. — И он тоже.

Катя подняла лицо к белёсому небу.

— А раньше срока приходит только одно. То, что мы разбудили, — вновь сказала старуха.

После этих слов, впервые за всё утро, в воздухе почувствовался свежий, обжигающий холодом снег, который медленно стал падать вниз.

Глава 7. Эхо прошлого.

Снег всё шёл.

После возвращения Катя, не раздеваясь, долго сидела на кровати и смотрела, как за окном белеет подоконник. Дом словно затих. Но в этой тишине не было ни покоя, ни угрозы, а только густое, как вода подо льдом ожидание.

Ближе к полудню Ирина заглянула к ней в комнату.

— Я к Федосье собралась, проведу их с Аринкой. — Переступить порог её комнаты она не стала. — Ты останься. Холодно на улице, снег раньше обычного.

Катя кивнула. Ирина уже потянулась к двери, как вдруг задержалась.

— Имей в виду: Алексей в доме остался. Рана его разошлась. Я не пустила его так.

Катя подняла голову.

— Он не остался бы из-за раны. И ты не из-за раны его пустила. Тогда почему?

Ирина помолчала. Глаза её были усталыми.

— Потому что я уже видела, как такие, как вы, не сумели уйти. Всему свойственно повторяться.

Она вышла решительно, плотно закрыв дверь.

Катя осталась в тишине, осознав для себя: Ирина не просто разрешила Алексею остаться, она словно ждала этого с самого начала.

Катя подошла к окну. Снег лежал на перилах крыльца, на старой липе. Алексей вывел коня из стойла, снег красиво ложился на его плечи. Он словно что-то негромко говорил ему, прижавшись к его голове. Слов было не разобрать, но конь время от времени фыркал так, будто отвечал.

Катя смотрела на них, не отрываясь. Впервые она видела Алексея не как противника и не как мужчину, от которого хочется отступить, а как человека, у которого есть кто-то, кому он доверяет. Пусть это даже не человек, а животное.

Как вдруг он поднял голову, словно почувствовал её взгляд. Катя отпрянула от окна, но поздно: их глаза встретились. Алексей не отвернулся, и она тоже. Между ними не было ни двери, ни стены, а только снег и несколько шагов до калитки.

Потом, погладив коня по гриве, он медленно отвернулся и, привязав его у стойла, пошёл к дому. Катя перевела дыхание. Сердце забило сильнее.

Через несколько минут в коридоре слышались медленные, тяжёлые шаги. Они остановились у её двери.

Катя замерла.

Он стоял по ту сторону. Она слышала его ровное и слишком близкое дыхание, словно между ними не было стены, только грань, ненадёжная и живая.

Она не открыла.

Он не постучал.

Тишина сгустилась, стала почти осязаемой. Катя чувствовала его присутствие так же ясно, как если бы он вошёл в комнату. Внизу живота что-то туго скрутилось — это был не страх, а какое-то необъяснимое желание отступить и остаться одновременно. Ей стало жарко, хотя в комнате был всё тот же холод.

Потом он ушёл — так же молча. Шаги стихли на лестнице.

Катя выдохнула и только тогда поняла, что всё это время почти не дышала.

Она села у окна, поджав ноги. Затем достала дневник матери, который стал её опорой за последние дни.

За окном медленно и тяжело падал снег, укрывая ветви сосен. На подоконнике всё ещё лежала засохшая ветка вереска. Катя открыла дневник.

Она искала не просто так. Ей нужно было то, что мать писала о голосе у Ключа, о том, кто говорил с ней, что она узнала о себе. Пальцы листали страницы быстрее, чем глаза успевали цепляться за строчки. Отчаявшись найти нужную страницу, она подняла глаза и обратила внимание на странность.

На краю стола стояла кружка с горячим отваром.

Катя не помнила, чтобы ставила её туда.

Пар поднимался ровной струйкой. Пахло какими-то новыми травами, точно не теми, что обычно заваривала Ирина. Этот запах был мягче, слаще, с примесью мёда.

Катя огляделась.

В комнате никого не было.

Но воздух вдруг стал плотнее, будто кто-то невидимый стоял за её плечом, а потом мягко отступил в тень.

Испуга не было, наоборот — ей стало спокойно, как будто дом тихо подтвердил: ты не одна, словно чувство дежавю.

Катя снова опустила взгляд на дневник и наконец наткнулась — нашла то, что искала.

Почерк матери менялся — становился рваным, неровным, будто рука дрожала, когда выводила эти строки. Это была не запись. Это была песня. Какая-то старая баллада, записанная от руки, как если бы её не писали, а прятали.

«Он был Князем Севера, падишим во тьму,

Отдавшим заветный свой свет.

Любовь в кандалы обернулась ему,

И нет с той поры ему имени.

Мир он хотел и встал меж родами,

Но предали — выжгли мосты.

Теперь он один в пустоте, как в бреду

Чужие зовёт имена.

Не ищи его в зеркале ты, не зови —

Он приходит к тому, кто молчит.

Кто носит в груди лишь осколок любви

От собственной боли кричит.

Если встретишь его — не бойся, не лги,

Узнает тебя он по глазам.

Сам был рабом у судьбы,

Но свободу отдал небесам.»

Катя перечитала трижды.

Её руки стали дрожать — не от холода, а от понимания, которое медленно, как ледяная вода, заполняло её изнутри.

Но прежде, чем захлопнуть дневник, она заметила под последней строкой мелкую, почти стёртую приписку. Мать дописывала её, вероятно, уже позже, и почерк был ещё более рваным, чем в самой балладе.

«Не знаю, кто пел мне это. Слов я не слышала, но они уже были во мне, когда я проснулась. Память это или он снова говорил со мной во сне — не знаю. Но за этими словами есть что-то ещё. Что-то, чего он не досказал».

Катя перечитала эти строки дважды. В груди стало холодно. Баллада больше не казалась просто старой песней. Она стала похожа на письмо, которое кто-то вложил в руку её матери — а через неё и ей.

Легенда рассыпалась. Под ней лежало имя. Кровь. Память.

Но теперь Катя уже не знала, чья это была легенда — её рода или кого-то другого.

Она хотела захлопнуть дневник, но взгляд зацепился за другой край страницы, где мать дописала короткую приписку, уже не о балладе.

«Если дойдёшь до правды и не будешь знать, у кого спросить, — иди к Вейкко. Он не умеет лгать. Поэтому и говорит так много: он не может молчать, но и не может сказать ложь. Помни: за каждую настоящую правду он платит собой. Не проси больше того, что можешь вынести».

Катя снова перечитала эти строки. Только теперь она поняла, почему лицо Веника на секунду старело, когда он уводил разговор в сторону. Он не просто болтал — он уклонялся от прямого ответа, и каждый такой манёвр забирал у него что-то. Но правда для неё сейчас казалась важнее.

Она закрыла дневник, сунула его под матрас и встала. Теперь она знала, к кому идти.

Ей нужно было найти Вейкко. Теперь она знала: он не сможет солгать. А она больше не сможет притворяться, что ей всё равно.

Она не знала, как его найти, но помнила тот первый день, когда она оказалась в доме. Ирина тогда просто крикнула за околицу: «Вейкко» — и он вдруг появился. Тогда она посчитала, что просто не заметила его сразу, но теперь, после всего, что произошло, она готова к чему угодно.

Катя спустилась вниз, подошла к входу. Чувство лёгкого страха, смешанное с холодной уверенностью, давило на виски. Она открыла дверь.

— Вейкко! Вейкко! — прокричала Катя, но ничего. Ей никто не ответил.

Почувствовав лёгкое разочарование и обвиняя себя в лишней уверенности, она развернулась и собралась подняться к себе в комнату, как вдруг замерла от увиденного.

Он стоял у самой печи в комнате, будто и правда ждал её. Ссутулившийся, в своей бесформенной штормовке, с ведром воды в руках, словно она прервала его обыденную деятельность. Увидев Катю, он замер, а потом заговорил слишком быстро — как всегда, когда хотел увести разговор в сторону:

— А, Катя, мадмуазель, Вы не спите, а я вот воду принёс, вода сегодня тяжёлая, снег тает, а в колодце вода чёрная, но чистая, чистая, как слеза, а вы всё сидите одна, ну и правильно, покой нужен, после вчерашнего покой нужен, вон как снегу навалило, старики говорят, к урожаю...

Катя шагнула к нему.

Теперь она видела его речь иначе. Он не просто болтал. Он спасался. Каждый раз, когда он отворачивал взгляд или проглатывал слово, на его лице на долю секунды проступало что-то другое: возраст, усталость, сухая костяная старость.

Кожа серела. Скулы заострились. Глаза западали.

А потом он моргал — и снова становился прежним.

— Веник, — перебила она. — Ты знаешь, что случилось с моими родителями?

Он запнулся. Ведро качнулось, и вода плеснула через край.

— Знаю, как не знать, — начал он снова, уже тише, но всё ещё слишком торопливо. — Время такое было... все что-то знали, только никто не говорил. А я воду разносил, меня не слушали, а я слышал... вот и знаю. Но что знать, коли всё большем поросло...

— Не уходи, — сказала Катя и сделала ещё шаг. — Ты не можешь мне врать. Я это поняла. Поэтому я спрошу прямо. Или ты нарушишь клятву, или скажешь правду.

Веник поставил ведро.

Его блёклые глаза заметались. Лицо снова дрогнуло, и на этот раз старость проступила глубже, резче, словно под кожей на секунду поднялось что-то древнее и сухое.

Он сторбился сильнее, будто невидимая рука надавила ему на плечи.

— Нельзя об этом, Катя, — прошептал он. Голос его стал сухим, как пыль. — Нельзя. Я клятву давал твоей бабке, Ирине. И не только ей. Я тебе зла не желаю.

— А если я скажу, что пойду к Ключу и спрошу у него сама? Он явится ко мне снова, ты же знаешь.

Веник вздрогнул так, будто она ударила его.

Из горла вырвался тонкий свист — жалобный, рваный, как ветер в щели.

Он схватился за шею.

— Не смей. Только не это. Лучше уж я... — Он осёкся. — Он обманет, его правда — это ложь. Ты поймёшь, вы все всегда понимаете, но всегда поздно. Лучше уж я...

Лицо его постарело прямо на глазах. Кожа натянулась на скулах. В глазах блеснул настоящий ужас.

— Плата всегда впереди слова. Я предупредил. Теперь слушай.

И он стал рассказывать.

Сбивчиво. Хрипло. С паузами, во время которых его лицо снова и снова искажалось, словно каждое слово выжигало его изнутри. Горло его пересохло, и он то и дело трогал шею, словно хотел убедиться, что она ещё цела.

— Мать твою знала, — начал он, с трудом разжимая зубы. — Она первая пришла к Ключу. Сама пришла! Её никто не гнал. — Пауза. Горло Веника дёрнулось. — Отец не пустил её одну.

Катя не двигалась.

— Они думали... — Веник зажмурился. — Думали, если отдадут себя, он отпустит тебя. Что ты родишься свободной.

— Но не закрыла.

— Нет. — Совсем тихо. Почти беззвучно. — Он уже знал тебя, Катя. Ещё до рождения. Ты для него — и дверь, и замок. И та, у кого ключ.

Катя хотела спросить, что это значит, но Веник уже говорил дальше — отрывисто, будто каждое слово вырывалось из него с кровью.

— Но не он один держит эту дверь. Там, внизу, есть и другая. — Он сгорбился сильнее. — Прабабка твоё. Это её душа заключена в амулете. Там... — Он сгорбился ещё сильнее и стал рукою указывать вниз. — Под домом. В подвале, в старом подzemелье.

Катя замерла.

— Заключена?

— Она закрыла его собой. Отдала душу, чтобы он не вышел. — Веник говорил всё тише, но в голосе его не было ни жалости, ни восхищения. Только старая, сухая боль. — Он ведь не любил её. Он хотел её кровь. Хотел бессмертия за счёт Стужиных. Он предал её.

Катя почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Он предал её?

— Да. — Веник кивнул. — А она поняла это раньше, чем он закончил. И сделала то, чего он не ждал. Заперла его. Собой. Своей душой. Своей волей.

Он замолчал, будто боялся сказать лишнее. Но Катя видела: он не обманывает. Не уходит. Только не знает, как говорить дальше.

— Я не знаю всего, — признался он наконец. — Помню, что было. Чувствую, что было. Но почему так встало — не вижу. Знаю только: она — замок. А ты — вторая половина того же ключа.

— Значит, я не дверь?

— Не дверь. — Веник сгорбился ещё сильнее. — Ты — это та, кто может повернуть ключ. Или сломать его вместе с замком.

Последние слова он уже не сказал, а прохрипел.

Из горла снова вырвался свист, уже не тонкий, а рваный, как треск сухой ветки.

Веник зашатался и схватился за дверной косяк.

Катя смотрела на него, и внутри неё что-то росло.

Не только жалость.

Облегчение.

Она узнала правду. И за это он заплатил голосом.

Она понимала, что должна чувствовать вину. Но вместе с виной пришло другое — тёмное, почти сладкое облегчение: правда всё-таки досталась ей.

— Веник... — прошептала она.

Он не обернулся.

Подхватил ведро и вышел на улицу. Оставив после себя только хруст снега и захлопнувшуюся, словно от сквозняка, дверь.

Катя прислонилась к стене и закрыла глаза.

Наверху скрипнула половица. Совсем тихо — так скрипит дерево, когда на него переступают осторожно, не желая обозначить шаг. Катя открыла глаза и замерла, прислушиваясь. В доме снова стало тихо, но эта тишина была не пустой. В ней, где-то на втором этаже, затаилось чьё-то дыхание. Или ей просто показалось.

Она не пошла проверять. Слишком устала. Слишком многое было сказано. Но по спине пробежал холодок — не от страха, а от мысли, что её с Веником слышал Алексей.

Внутри Кати боролись два чувства.

Первое — ужасающее чувство вины: Веник потерял голос, и это было из-за неё.

Второе — тёмное, почти сладкое облегчение: правда всё-таки досталась ей.

Она заставила себя дышать ровно.

Но где-то глубоко внутри у самого сердца это второе чувство уже улыбалось.

Потом она подошла к окну. Снег за окном шёл всё так же спокойно и равнодушно, будто мир не знал и не хотел знать, что только что было сказано в этом доме. На белой пелене перед домом ещё были видны следы Веника: глубокие, чёткие, они шли от крыльца к калитке.

И вдруг обрывались на середине двора.

Дальше снег лежал нетронутый, ровный, как будто человек, оставивший эти следы, просто исчез.

Катя поёжилась, но это почему-то уже не удивило её.

К вечеру Катя сидела у себя в комнате у окна и смотрела, как над лесом загораются жёлтые огни.

Дневник лежал у неё на коленях, открытый на балладе. Она перечитала последние строки:

«Если встретишь его — не бойся, не лги,

Узнает тебя он по глазам.

Сам был рабом у судьбы,

Но свободу отдал небесам.»

— Ты отдал свободу, — прошептала она. — А что получил взамен?

Она уже собиралась закрыть дневник, когда стены легко, едва уловимо завибрировали и издали низкий, глухой звук.

Будто кто-то ударил по камню изнутри.

Первый раз.

Второй.

Третий.

Катя замерла.

Звук шёл не из прихожей дома и не из коридора снизу. Это был более глубокий, исходящий прямо из-под самого основания дома гул. Из-под земли.

Она прижала ладонь к стене.

Камень был холодным, но не мёртвым. Под ним что-то жило. Что-то ждало.

И в этот миг на своём плече она ощутила дуновение тёплого воздуха. Словно кто-то её приобнял и хотел успокоить. Словно со страниц дневника ожило материнское тепло, жажду-

щее защитить своё дитя. Лёгкое, почти невесомое прикосновение. Катя замерла. Ей не было страшно. Наоборот — это прикосновение было похоже на слова «не бойся».

Она выдохнула.

Завтра она спросит Ирину о подземелье.

И та уже не сможет уйти от ответа.

Глава 8. Жители.

Утро выдалось ясным, но злым. Ветер гнал по мёрзлой земле колючую снежную крупу, забирался под одежду и хлестал по лицу жителей села, оказавшихся на улице. Дом Стужиных стоял плотно закрытым, но в печи уже трещал огонь, и по кухне плыл запах сушёной мяты.

Катя спустилась, застёгивая на ходу куртку. Она собиралась спросить Ирину о подземелье — вчера это казалось неизбежным, как снег за окном. Но Ирина опередила её, едва Катя переступила порог кухни:

— Ты хотела спросить про то, что под нашим домом? Я отвечу, Катя. Но прежде тебе нужно оглядеться и увидеть тех, кто живет в Белых Ключах. Пройдись по селу, иначе я не смогу объяснить тебе ничего.

Катя остановилась.

— Зачем мне это село и его жители?

— У Федосьи ты была со мной, мы были там не случайно, — сказала Ирина. — Жители тебя ещё не видели. А в Белых Ключах это замечают. Люди начинают шептаться.

— Мне всё равно, что они шепчут.

— Зря. — Ирина села за стол и пододвинула Кате тарелку с кашей. — Ты ведь Стужина. Последняя из нас. Они знают о твоём роде больше, чем ты сама. Если ты хочешь понять, посмотри на них. Они расскажут то, чего не скажу я.

— А чего ты не скажешь?

— Того, что ты должна услышать от них.

Катя сжала ложку, но спорить не стала. Она помнила вчерашний разговор с Веником, его сорванный голос, слово «амулет», брошенное перед уходом. Она знала уже слишком много, чтобы отступать. И слишком мало, чтобы понять.

— Хорошо, — сказала она, встав из-за стола. — Я схожу. Но вечером ты ответишь.

Ирина кивнула. В её взгляде не было ни раздражения, ни усталости — только спокойное, почти обречённое принятие.

Когда Катя уже взялась за дверь, Ирина негромко добавила:

— Вейкко тебя проводит. Я уже знаю, что он потерял голос. Но он будет рядом.

Катя обернулась, но Ирина уже отвернулась к печи, обращаясь к пустому месту рядом с собой:

— ...ты же знаешь, я не могу пойти с ней. Но ты можешь. Пригляди за ней, ладно?

Катя замерла на миг, но вопроса не задала. Она уже привыкала к странному поведению Ирины.

Во дворе ветер рванул дверь из рук. Катя поёжилась и подняла воротник. У калитки, под старой липой, стоял конь Алексея — уже осёдланный, но привязанный. Завидев Катю, он тихо всхрапнул и переступил с ноги на ногу.

Катя невольно замедлила шаг. В груди шевельнулось то самое тёплое чувство, что она почувствовала вчера, когда касалась его шеи. Она подошла и провела ладонью по жёсткой гриве. Конь фыркнул, ткнулся мордой ей в плечо.

— Не хочешь стоять? — прошептала она. — Понимаю.

И тогда она заметила Алексея.

Он стоял у стойла, опершись плечом на деревянную створку, и смотрел на неё так, будто ждал именно этого момента. Не подходил, не окликал, а только смотрел. Тем же взглядом, что вчера они встретили друг друга у окна, но теперь в нём было что-то более острое. Как будто он знал, куда она идёт, и это его пугало.

Катя выпрямилась. Алексей медленно оттолкнулся от стойла и шагнул ближе. Его рука скользнула по конскому боку, успокаивая животное.

— Далеко собралась? — спросил он.

— Пройдусь по Белым Ключам. Ирина велела.

— Ирина знает, что делает. — Он сделал ещё шаг, и Катя заметила, как его лицо затвердело. — Но ты боишься?

— Боюсь, но не настолько, чтобы сидеть в доме.

Он кивнул, словно ждал именно этого ответа. Потом замолчал на длинный вдох.

— Вейкко не скажет тебе главного, — произнёс он наконец, тихо. — То, что он теперь не может сказать.

— Главное, что?

Алексей посмотрел на коня, потом снова на неё. В его глазах было узнавание — как у человека, который видит историю, повторяющуюся вторично.

— Ты уже не будешь такой же. — Его голос стал почти шёпотом. — Твоя мать тоже хотела знать. Она спустилась в это подземелье и... — Он остановился, словно не зная, как закончить.

— И что?

— И не была уже прежней. Это то, что я знаю. Не спрашивай меня больше. Я не могу рассказать то, что ты должна увидеть сама. Но я могу быть здесь. Когда ты вернёшься. — Он протянул руку — не в предложении, а в безмолвном обещании. — Я буду ждать.

Катя посмотрела на его руку, потом в глаза. В них было столько боли, что ей захотелось отступить. Вместо этого она взяла его руку ненадолго. Рука была тёплой.

— Спасибо, — сказала она.

Алексей отпустил её руку и повернулся спиной, вернувшись к коню. Это было не презрение, а милосердие — дать ей возможность уйти без свидетелей.

У калитки её уже ждал Вейкко. Он стоял, ссутулившись, в своей привычной бесформенной штормовке, надвинув капюшон на лицо. Увидев Катю, он не заговорил, не улыбнулся, а только коротко кивнул и, развернувшись, пошёл вперёд по снегу.

Катя двинулась следом.

Молчание его было плотным, как воздух перед грозой. Раньше она тонула в потоке его слов, их легкомыслии и остроумии. Теперь его безмолвие было тяжелее, чем самое горькое признание.

Катя ловила себя на том, что не знает, куда деть свои глаза. Вейкко не оглядывался, но периодически замедлял шаг, ожидая её появления. Его спина говорила многое: вина, дозор, горечь.

На первом повороте, за забором, Катя заметила на снегу вторую цепочку следов. Мелкую, неровную, идущую почти в такт её собственным шагам. Она резко оглянулась и никого не увидела.

Вейкко остановился и смотрел на неё долгим взглядом. Потом, не гневно, а устало, покачал головой и мотнул рукой, указав ей «идём дальше».

Его молчание было худшим упрёком, чем любой крик.

Село предстало перед ними пустым, но живым. Жизнь скрывалась за занавесками, в щелях дверей. За стеклом угадывалось движение. Из труб шёл дым, но на улице не было ни единого человека.

Только у колодца, где дорога делала изгиб, стояли женщины. Они набирали воду, и когда Катя приблизилась, их голоса стихли.

Первая из них, с обветренным лицом и тонкими губами, быстро схватила за руку девочку лет семи и потянула её прочь, не оборачиваясь. Другая, постарше, в поношенном платке, бросила какую-то щепотку через левое плечо, глядя Кате вслед. Это была соль.

Катя поймала обрывок шёпота, как шорох мышей:

— ...глаза, как у той... явилась...

Вейкко шёл рядом, немного впереди, закрывая Катю собой. Его спина напряглась так, что скулы вздулись. Женщины отвели глаза и отошли в сторону, дав им пройти.

Катя не выдержала:

— Почему они так смотрят?

Вейкко не ответил. Он замедлил шаг, поравнялся с ней и указал длинным пальцем сначала на неё, потом на дорогу, потом на дальний дом. С усилием, как будто воздух сопротивлялся, прохрипел что-то напоминавшее слово:

— Помм... нят.

Затем махнул рукой и продолжил идти. Его дыхание было учащённым, мышцы напряжены. Это стоило ему боли.

Они свернули на узкую тропу вдоль заборов. На одном висела свежая рябиновая ветка, перевязанная чёрной нитью. На другом была горсть соли, рассыпанная так, будто кто-то только что прошёл и бросил её вслед.

Снег поскрипывал под ногами. Где-то хлопнул ставень. Катя шла, стараясь не смотреть по сторонам, но чувствовала парящие на неё взгляды сквозь щели в заборах. Как будто село дышало на неё, оценивая.

Потом дома закончились. На околице Вейкко остановился так резко, что Катя чуть не налетела на него.

Впереди, в стороне от дороги, стоял дом. Старый, с заколоченными крест-накрест окнами. Воздух вокруг него дрожал, хотя ветра не было. На двери, на уровне человеческого роста, виднелись свежие царапины — глубокие, судорожные, как будто кто-то рвался изнутри, ломая ногти.

Вейкко поднял руку, раскрыл ладонь жестом стой. Его выпетшие глаза были широко распахнуты.

Он медленно повернулся к ней и мычанием, прерывистым и страшным, приказал ей уходить. Его горло работало, как механизм, который уже сломан.

— Почему? — спросила Катя.

Вейкко открыл рот. Из него вырвался короткий, сухой звук — не то свист, не то скрежет, как будто внутри него треснула струна. Катя вздрогнула и отступила на шаг.

Он закрыл глаза, словно больше не мог.

Но Катя не сдвинулась с места. Из груди подступило тяжёлое, холодное чувство — это был не страх, а его предшественница. Любопытство, острое как лезвие.

Она начала шагать в сторону дома.

Тогда Вейкко схватил её за запястье. Это было не грубо, но с такой силой, что она поняла: это не просьба. Его пальцы были ледяными, твёрдыми, как корни дерева.

И в тот же миг в голову Кати ударила вспышка.

Образы, как осколки зеркала. Она увидела тёмный дом. Белую фигуру, стоящую у стены, неподвижную, только дышащую. Воздух вокруг неё был чёрным, как копоть.

И там были нити. Они были красные, пульсирующие, тугие. Они оплетали стены, пол, саму фигуру, как живые корни, как ловушки. От них шёл запах гари и мокрой земли, излучая животный, первобытный ужас.

Но это было не всё.

Катя прочувствовала тихий, едва слышный плач. В нём была такая боль, такая отчаянность, что Катя хотела кричать вместо неё. Хотела выть.

Катя рванулась, выдёргивая руку. Отшатнулась, прижала ладонь к груди. Сердце билось где-то в горле, в висках, везде.

Вейкко стоял перед ней, бледный, как снег. Его выпетшие глаза пристально смотрели на неё, и в них не было ни злобы, ни жалости. Только древний, бездонный ужас. Будто он сам видел это не раз и не два, и каждый раз это убивало в нём что-то.

Вейкко медленно поднял палец к губам, жестом сказав ей «молчи». Его рука дрожала.

Потом он развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Его спина была согнута, как под непосильной ношей.

Катя пошла за ним, не в силах сделать ничего другого. Ноги были ватными. Голова гудела. Она больше не задавала вопросов. Теперь она действительно боялась, но не дома, не красного камня и не белой фигуры в темноте.

Она боялась того, что, если Вейкко коснётся её ещё раз, она увидит больше. И что это «больше» разломает её напополам.

Затем они вернулись к колодцу. На этот раз там был только один человек.

Высокий, сторбленный, с обветренным лицом и сильными, шрамированными руками. Он чинил сеть, натянутую на деревянную раму. Рядом на земле стояло ведро с рыбой, пере-ливавшейся голубым и серебром.

Это был Семён, лодочник. Тот самый, что сидел в тот день под ивой у реки, когда Катя впервые шла к источнику Ключи.

Он не поднял головы, когда они подошли, но его руки замедлили движение.

— Здравствуй, Стужина, — произнёс он. Голос был низкий, хриплый, как будто кто-то когда-то душил его и удерживает до сих пор. — Добралась до наших мест.

— Здравствуйте, — ответила Катя. — Вы меня помните?

Семён наконец поднял глаза. Они были холодные, серые, как проруби во льду.

— Помню, — сказал он. — Но тогда ты ещё не была готова видеть. Теперь вот смотришь. — Он положил сеть и медленно поднялся. На его запястье был белый, почти прозрачный шрам. — Они все ждали, когда ты придёшь.

— Кто ждал?

— Разные. Одни хотят, чтобы ты уехала и забыла обо всём. Другие молят о том, чтобы ты осталась. — Семён присел на край колодца, и его спина согнулась ещё больше. — А вот третьи... они ждут, что ты сделаешь то, что должна.

— Что я должна? — спросила Катя.

Семён долго молчал. Его руки были заняты — он снова взялся за сеть, но работал медленнее, будто пальцы его помнили все узлы, даже когда разум отказывался говорить.

— За рекой, — начал он тихо, — в прошлую зиму пропали четверо. Просто ушли. Не утонули — знаю, потому что я искал. Утопленников вода выбрасывает. Но их... их как будто не было никогда.

Его голос изменился. Стал тоньше, хрипче.

— Один из них был мой сын. Хороший мальчик, тихий и послушный. Ему было шестнадцать. — Семён сжал сеть так крепко, что она хрустнула под его пальцами. — После того как он ушёл, я взял лодку и поехал его искать. Доплыл до того места, где в лесу начинается крутой обрыв. Там... там было холодно, Стужина. Холодно, как если бы лето никогда сюда не приходило.

Катя чувствовала, как у неё по спине льдом бежит что-то острое.

— Он вернулся? — спросила она.

Семён не ответил. Просто покачал головой.

— Мост обещали построить через реку, чтобы люди не рисковали с лодкой. Но я говорю — не надо строить моста. Потому что если мост будет, то туда начнут ходить и другие. И не все вернутся оттуда.

Он поднял глаза и посмотрел ей прямо в лицо.

— Но скоро и тебе придётся пойти туда. И ты будешь одна — нет, может и не одна. Может быть с ним, а может... — Семён кивнул на Вейкко. — Он не сможет защитить тебя, но он покажет тебе дорогу. Это всё, что он может.

— Это угроза? — спросила Катя.

— Это правда, — ответил Семён. — Обычная, скучная правда. Никаких предзнаменований, просто то, что здесь происходит. И происходит слишком давно.

Он снова наклонился к сети, давая ей понять, что разговор окончен.

Катя стояла ещё мгновение, слыша звук ветра и скрип деревянной рамы. Потом повернулась и пошла дальше.

Вейкко не произнёс ни звука. Он просто пошёл рядом с ней, его молчание теперь было почти утешением — чем-то постоянным в этом странном, враждебном мире.

На улице между домами Катя заметила девочку.

Худенькая, в тёмном платке, из которого выбивались тонкие, черные косички. Она стояла у покосившегося забора, рядом с домом, из которого валил дым. Смотрела на Катю, не отводя глаз, и в её взгляде не было детского любопытства.

Только спокойное, почти взрослое ожидание.

Катя невольно замедлила шаг.

— Кто это? — спросила она у Вейкко.

Вейкко напрягся весь, как струна перед разрывом. Он посмотрел на девочку, потом на Катю. Покачал головой, он не хотел ей объяснить. Но было уже поздно.

Катя развернулась и уверенным шагом подошла к забору.

Девочка не испугалась и не улыбнулась. Она просто стояла там, дожидаясь.

— Хилма, — сказала она, когда Катя остановилась перед ней. Её голос был тихим, кристально чистым, как колокольчик в пустом доме.

— Катя, — ответила она.

— Я знаю. Ты ведь видела Аринку? — спросила Хилма. — Ту, что болела?

— Видела. С ней всё хорошо.

— Она поправится?

— Да. Ирина сказала, что с ней всё будет хорошо.

Хилма помолчала, и в этом молчании было столько опыта и старости, столько усталости, что Катя невольно отступила на шаг.

— Ты её спасла, — сказала девочка. — Я знаю. Мне бабушка рассказала. Ты прогнала тётю с красным камешком.

— Я никого не прогоняла, — ответила Катя. — Просто сделала кое-что.

— Бабушка говорит, это и значит прогнать, — упрямо сказала Хилма. — Но она вернётся. Она всегда возвращается.

Катя замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что она ходит уже очень давно. Приходит к тем, кто болен. Или к тем, кто вот-вот уйдёт. — Хилма сделала шаг ближе, и Катя заметила, что девочка не оставляет следов на снегу. — Но ты... ты не будешь уходить. Потому что ты уже холодная.

Катя посмотрела на свою ладонь. Рука действительно была холоднее, чем обычно. Как будто Ключ Памяти оставил в ней частицу самого себя — осколок льда, что медленно таял, но оставлял холод.

— Кто эта тётя? — спросила Катя.

Но Хилма уже отступила.

— Не знаю, — сказала она. — Но она не злая. Ей просто холодно. Ей очень холодно.

Девочка развернулась и побежала вдоль забора. Но не к дому, откуда валил дым, а дальше, в сторону старого, заколоченного крест-накрест дома.

Катя проследила её взглядом и внезапно поняла.

Дверь в тот дом не открывалась. И в окнах, забитых досками, не было ни единой щели. Девочка побежала туда, где нельзя было войти. Её фигура исчезла за углом, и когда Катя переводила взгляд на саму дверь, она поняла, что нет никакого входа.

Вейкко стоял позади, его дыхание было учащённым. Он не попытался остановить её. Просто ждал.

Они подошли к последним домам на краю села.

В одном из них была распахнута дверь. На столе, видимом с улицы, стояла тарелка с остывшей кашей, покрытой тонкой корочкой льда. Как будто кто-то встал и вышел минуту назад, а может и гораздо раньше.

Вейкко сжал ей локоть и потянул дальше, не давая заглядывать внутрь.

Наконец они остановились у последнего дома. Старого, с заколоченными окнами, с дверью, которую когда-то красили, но краска облезла, оставив жёлтые полосы, как раны.

Вейкко остановился в трёх шагах от порога. Он указал на дверь, и Катя поняла без слов: они шли именно сюда.

Она не успела постучать.

Дверь приоткрылась сама.

На пороге стояла старуха. Маленькая, сгорбленная, в тёмном, потёртом и выцветшем платке. В её руках была деревянная миска, и она бросала из неё в снег что-то тёмное — крошки, зёрна, или, может быть, что-то совсем другое. Ветер уносил их прочь.

— Подойди, — сказала старуха, не глядя на Катю. Голос её был как скрип старого дерева. — Не бойся меня, моё имя Велламо. Твоя бабка меня знала.

Катя не двинулась.

В этой старухе было что-то, от чего волосы поднимались на затылке. Не зло, а скорее что-то древнее, как сама земля под домом. Как воспоминание о времени, которое давно прошло, но не стёрлось окончательно.

— Ты уже видела Хилму? — спросила Велламо, продолжая бросать крошки. — Бедная девочка.

— Видела.

— Она не живая и не мёртвая. Застряла между. — Велламо наконец подняла глаза. Они были выцветшие, почти молочно-белые, но в них горела такая древняя боль, что Катя пошатнулась. — Как и все мы здесь. Только она не понимает этого.

Катя попыталась дышать ровнее.

— Что значит «не живая»? Она была настоящая. Я её видела.

— Видела то, что она хочет, чтобы ты видела. — Велламо бросила последнюю горсть и вытерла руки о платье. — Хилма пошла вслед ней... ты знаешь о ком я говорю... и Хилма тоже не вернулась. Только её пустой след теперь здесь. Девочка, которая приходит к болящим и холодным. Помогает уходить.

Катя не смогла ответить.

— А ты видела и тебе хочется спросить, где её найти, да? — Велламо медленно закрыла миску. — Но она везде и нигде. Как эта, в красном камне. Как и та.

— Вы знаете, где она? — спросила Катя. — Та, с красным камнем?

Велламо покачала головой.

— Я не смогу тебе помочь. Только он может. — Старуха посмотрела куда-то в сторону, не на Катю. — Тот, кто её потерял. Тот, кто теперь молчит. Или то, что молчит сквозь него.

Катя вспомнила видение. Красные нити. Плач в темноте.

— Что это за нити? — спросила она. — В том доме?

Велламо повернулась спиной и начала закрывать дверь.

— Её боль. Её попытка выбраться. Её память, которая не хочет уходить и превратилась в цепь. — Голос старухи стал едва слышным. — Твоя мать спускалась в то подземелье и не вернулась прежней. Ты тоже пойдёшь. Но не сегодня и не сейчас.

Велламо посмотрела на окно, где небо было белым и глухим, как купол отлитый изо льда. Её пальцы дрогнули.

— Они слышат нас. Уходи. И не оглядывайся.

Дверь закрылась. Не сама по себе — Велламо закрыла её изнутри так плотно, что звук был как удар в спину.

Катя постояла ещё мгновение, чувствуя на себе взгляды словно из-под земли, а также из-за забора, из расселин между домами. Село было живым и смотрело сотнями глаз. Потом она развернулась и пошла прочь.

Вейкко уже ждал её на тропе. Его силуэт был тонким, почти прозрачным в сером свете. Он не задал ни одного вопроса. Просто кивнул.

Они шли молча, и снова начал падать мягкий, густой снег. Катя не оглядывалась, но слышала позади себя. Нет уже рядом. Почти в такт её шагам скрипел чужой след. Это был мелкий и детский след. Когда она пыталась сосредоточиться на звуке, он сразу исчезал. Но стоило ей отвернуть внимание, как он снова появлялся как дыхание.

Может быть, это была Хилма. Может быть, это был ветер, играющий со снегом. Катя не знала и боялась узнать.

У калитки усадьбы они остановились.

Вейкко замер рядом с ней, его ссутуленная фигура казалась мягче в свете падающего снега. На его плече лежал тонкий слой снежных кристаллов.

— Спасибо, — сказала Катя.

Вейкко не ответил. Только посмотрел на неё долгим, немигающим взглядом. И на одну секунду, а может быть, это было уже воображением Кати, в его выцветших глазах проступило что-то древнее. Спокойствие, которое старше его смерти.

Потом он кивнул и повернулся.

Катя смотрела, как он уходит, растворяясь в снегу. Его фигура растворялась, пока не исчезла совсем. След его на снегу оставался тонким, ровным, как будто его ноги не касались земли.

А позади его следа, чуть в стороне, были маленькие следы. Они шли вслед за Вейкко. Катя проследила их взглядом, пока они не растворились в метели.

Внутри неё поднялось чувство, которое не имело названия. Глухая, тяжёлая вина. Из-за неё Вейкко молчал и это молчание будет идти за ним всюду, как тень.

Катя вошла в дом.

Ирина стояла у печи, наклонившись к пустому месту на лавке, словно там сидел живой человек. Она говорила что-то тихо, почти шёпотом. Её голос был странно ласковый — таким, каким Катя никогда его не слышала.

— ...ты же знаешь, я не могу пойти с ней. Пригляди за ней, ладно? Она ещё не знает, что она ищет. Но ты то знаешь.

Ирина замолчала, словно слушая ответ.

Потом медленно повернулась к Кате.

— Вернулась.

— Вернулась, — ответила Катя.

Она оглядела кухню — на столе стояла остывшая каша, в углу лежала смятая тряпица, и на лавке, там, где Ирина только что говорила, было впечатление, будто кто-то только что встал.

— С кем ты говорила? — спросила Катя.

Ирина не ответила. Она поправила платок и отвернулась к печи, пряча лицо.

— Ты должна отдохнуть. Завтра будет трудный день.

— Ирина...

— Завтра, — повторила старуха, и в её голосе была такая финальность, что Катя не стала настаивать.

Она поднялась в свою комнату и села у окна, уже не раздеваясь.

За окном шёл мелкий, тихий снег. Лес за домом был полностью закрыт белизной. Над ним, далеко-далеко, вдруг мигнул единственный жёлтый огонёк.

Катя смотрела на него, и в голове звучали отрывки фраз этого дня.

«— *Ей просто холодно.*»

«— *Это память, что ищет покоя.*»

«— *Ищет тебя.*»

Она вспомнила женщину с красным камнем и Аринку. Вспомнила то холодное прикосновение щипы, которое помогло спасти дитя. Вспомнила кольцо на фото, и пульсирующий, как живой уголь, красный камень.

Теперь она знала, что это не просто украшение. Это осколок чего-то. От чего только? Она не знала. Но эта женщина, с белой кожей и красным камнем, ищет не Аринку.

Она ищет Катю. Ищет уже давно.

Катя прижала ладонь к груди. Под рубашкой кожа была холоднее, чем должна быть. Сердце билось тяжело, словно во льду.

— Я здесь, — прошептала она в темноту комнаты. — Я слышу тебя.

Огонёк за окном вопросительно мигнул еще раз и погас окончательно.

Катя уже собиралась закрыть занавеску и лечь спать, когда резко обернулась.

В комнате никого не было.

Только кружка с остывшим травяным отваром, которую она точно не ставила, стояла на столе. Пар от неё поднимался в неподвижном воздухе комнаты и излучал тепло и яркий аромат печеных яблок.

Это было чье-то невидимое присутствие.

Катя выдохнула во мраке.

— Ты слышишь меня? — спросила она.

Ответа не было. Но комната словно сделала вдох — как живое существо. И стало ещё холоднее.

Катя подошла к кружке и осторожно коснулась края. Чай внутри был горячим и свежесваренным. На дне плавали листья мяты и что-то ещё — тёмное, неизвестное.

Она отпила немного, ощутив странный, травяной вкус.

Завтра Ирина расскажет о подземелье, даже если Катя не спросит.

Теперь оно само звало её. И этот голос был уже так близко, что она ощущала его дыхание на коже.

Катя села на кровать и смотрела в темноту, где нет ни фигур, ни теней, только ожидание чего-то, в чем нельзя отказать.

А внизу на кухне была Ирина. Она сидела у печи и смотрела на пустую лавку, где лежала смятая тряпица.

Её губы шевелились, но звука не было. Только тень на лице — тень человека, что сидел рядом, невидимый для других, кроме неё.

Ирина протянула руку и коснулась пустого воздуха.

Её ладонь прошла сквозь холод.

— Береги её, — сказала она наконец, громко, словно через большое расстояние. — Если сможешь. Я знаю, что ты сможешь помочь.

На лавке, где ничего не было, отпечаталось влажное пятно от маленькой руки.

Ирина закрыла глаза и загребла огонь в печи, отправляя в пламя ветку рябины, перевязанную чёрной нитью.

Поднялся белый, холодный дым.

Глава 9. Подземелье.

После возвращения в дом утро встретило Белые Ключи странной, звенящей тишиной. Дом не гудел и не скрипел, не дышал в спину — он снова ждал. Снег за окном перестал сыпать, но небо оставалось низким, белёсым, словно остывшая зола, а свет, проникавший в дом, был плоским и холодным.

Кутаясь в шерстяной платок, Катя спустилась босиком, прижимая к груди дневник матери. В эту ночь сон к ней так и не пришёл — она провела её в тревожном ожидании. Кожа на запястье, там, где её схватил Вейкко, всё ещё покалывала. Это ощущение не проходило, сколько она ни тёрла руку.

У печи не было Ирины.

Там стояла другая женщина — чужая, с резкими, но слишком точными движениями. Катя замерла на пороге, не смея войти.

Незнакомка была низкой, но ладной. На ней было тёмное домотканое платье, старая шерстяная шаль, заколотая у горла костяной булавкой, а её седые волосы были стянуты в тугую косу. Лицо у неё было спокойное, но с резкими чертами, словно вырезанными из старого, потемневшего от времени дерева.

А потом Катя посмотрела в глаза этой женщины и всё внутри осело холодом.

Это была не обычная, пугающая темнота глаз. В них ничего не отражалось: ни окно, ни бледный утренний свет. Её глаза, словно ненасытная бездна, поглощали реальность. Смотреть в них было опасно: казалось, ты заглядываешь в прорубь, в которой скрывается не пустота, а нечто чуждое, изучающее тебя в ответ. Катя замерла, осознав страшную правду: в её глазах не было ни радужки, ни зрачков — они были черны целиком, от края до края.

Женщина мешала что-то в старом глиняном горшке. По кухне плыл тяжёлый, тёмный запах — запах воска, жжёного мёда, смешанного с чем-то травяным и немного горьким, как дым. Он казался ей знакомым. Так пахнет страх.

Она медленно провела ложкой по кругу. Густое варево в горшке не кипело.

Потом эта женщина сняла горшок с огня и поставила его на стол. Руки у неё были сухие, с тонкими, будто птичьими пальцами, и двигались так бережно, словно она несла не еду, а нечто, что нельзя было расплескать ни на каплю. Она вытерла пальцы о передник, но заговорила не сразу. Сначала посмотрела на пар, поднимающийся над горшком, продолжила его слегка помешивать ложкой, и только потом на Катю.

— Ты пришла, — произнесла она. Голос у неё оказался низким, сухим, будто им давно не пользовались. — И ты так и будешь стоять на пороге? Люди умеют стоять так годами.

Катя не двинулась.

— Кто Вы?

Женщина обернулась.

— Я Гнеда. Можешь считать меня хранительницей этого дома, который ты так хотела продать. Но, как видишь, я долго ждала. Ждала, когда же ты меня увидишь. — Она чуть помедлила. — Гораздо дольше, чем ты думаешь.

— Почему сейчас?

— Вчера ты коснулась того, кто на самом деле не человек, Катя, но ты не отшатнулась. Испугалась, но от дара не отреклась. Да, Вейкко дал тебе видение, я знаю. — Она закончила фразу с какой-то родительски мягкой интонацией и снова отвернулась к горшку. — Это видение открыло для тебя окно. Через такие окна и видят нас. Я не хотела, чтобы это окно открылось именно сейчас. Но меня не спрашивали.

Катя проглотила сухой ком, подкативший к горлу, слушая эту женщину.

— Это вы оставляли кружки для меня? Отвар в них был прекрасен, — произнесла Катя, словно убеждая себя в том, что тот, кто проявил о ней заботу раньше, не станет причинять ей зла.

— Я. Ты просто мёрзла. — Гнеда снова повела ложкой по кругу. — Дом мёрз вместе с тобой, но я не уверена, что дом тебя полюбил. Я просто знаю, что он тебя выбрал. А это разные вещи...

— Вы знали мою мать? — резко оборвала её Катя, не желая слушать такое объяснение. Ложка в руках Гнеды на миг замерла.

— Я её знаю... Я знаю больше ваших, чем ты. И ту, что заключена в амулете, я тоже знаю. — Гнеда тяжело выдохнула и снова помешала своё варево. — Я всех вас помню. Всех до одной. Я держу вас в памяти, как родную кровь. Потому что больше и нигде — у меня нет ни могил, ни имён на камне. Только моя память, только Ира и ты. — Она не обернулась. — Поэтому я и молчу. Молчать — это единственное, что мне позволено делать для тех, кого я не имею права любить вслух.

Она взяла с полки маленький холщовый мешочек, перетянутый выцветшей красной нитью, и стала держать его в ладонях. Красная нить была старой, но не рваной.

— Я не буду тебя спасать, — сказала Гнеда. — Я не знаю, спасу ли даже себя. Но если ты это потеряешь, ты потеряешь и себя. И тогда я уже не смогу вмешаться. Мне просто не позволят.

— Что это?

— Всё-таки слишком рано. Стужина такого вопроса не задала бы, если бы была готова к тому, на что ты собираешься решиться. — Гнеда посмотрела Кате в глаза.

Всматриваясь в эти ужасающие чёрные глаза, Кате пришло видение.

Она оказалась в полумраке комнаты со старой колыбелью, в которой лежала маленькая девочка. Где-то скрипнула половица, и колыбель качнулась.

Она узнала обстановку вокруг — это была её комната, и тёплое ощущение детства прошло волной по телу. В колыбели она узнала себя и женщину, склонившуюся над младенцем. Это была её мать, но рядом с ней была Гнеда. Она выглядела гораздо моложе, её волосы были чёрными, но косы были так же туго сплетены. На её лице отражалась тревога.

Гнеда стояла поодаль от колыбели, у стола, на котором были разложены красная нить, соль, печная зола, уже горели две свечи: одна была красной, другая зелёной. На тёмном льняном полотне лежал узкий нож с матовым лезвием. Рукоять его была обмотана засаленной до блеска чёрной нитью, будто её держали чужие руки много лет подряд. Лезвие не отражало света, а словно вбирало его, оставляя на поверхности только мутную, неживую тень.

Гнеда взяла нож. Пальцы легли на рукоять обыденно и легко. Её пальцы знали форму рукояти ножа настолько хорошо, что сложились в нужной последовательности еще до прикосновения с ней. Она обернулась к колыбели. Мать Кати почти не двигалась и не сводила глаз с рук Гнеды.

Гнеда размотала красную нить. Потом трижды отмерила её по лезвию ножа и обрезала. Затем она поднесла нить к губам.

— Принимаю, — тихо прошептала она, — и благодарю за доверие.

Потом она вытянула нить над столом и медленно, по кругу, очертила ею место перед собой. Круг лёг на дерево ровно и легко. Нить не сдвинулась ни на дюйм.

В месте, где её концы сходились был разрыв не шире волоса. Гнеда наклонилась над ним красную свечу. Воск сорвался вниз и облил соединение так, как запечатывают не письмо, а границу, которую нельзя переступить. И тогда она зашептала, Катя услышала только обрывки фраз:

— ...невзгодой стороной... придёт покой... защита... с тобою...

Дальше Гнеда заговорила на языке, которого Катя не знала. Слова шли низко, гортанно, будто их произносили не губы, а что-то, живущее под сердцем. Они не походили ни на один язык живых. Катя не понимала их, но чувствовала как каждое слово отзывалось в ней невыносимым чувством холода и животного страха.

После этого Гнеда прокапала еще трижды наклоняла свечу над нитью. Капля падали с тихим шипением, оставляя тёмный след на столешнице, еще в трех местах на красной нити. Гнеда шептала:

— С запада на восток сойдись... С севера на юг скрепись... Стороны света встаньте по местам. Что задумано — не развеет ветром, не размочит водой, не сгорит огнём, не укроет землёй.

Потом Гнеда повернула голову к старой, каменной и с тёмными прожилками ступе, стоящей на столе. Она провела по её краю ладонью так, как по живому телу, и произнесла:

— Прах дома сего. Зола, что триста лет хранила память предков. Не остывшая, не забытая. Благодарю дом, что сберёт тебя.

Она ссыпала золу в ступу, затем туда же ссыпала соль. Мешала медленно, против солнца, и ступа отзывалась глухим, утробным гулом. Соль и зола не рассыпались, а соединялись так, как будто узнавали друг друга.

— Северные воды — сойдитесь, — снова зашептала Гнеда. — Дитя храните. Память предков — задержишься. Сил рода — встаньте за неё.

Затем, держа нож в руках, Гнеда подошла к колыбели. Мать не шевельнулась. Гнеда наклонилась к спящей девочке, бережно приподняла прядь её волос и лезвие скользнуло по ним не заметно. Она не срезала, а бережно отделила прядь. Так отделяют то, что должно было уйти.

Она вернулась к столу и опустила нож на стол, а прядь волос бережно положила в центр красного круга. После чего, аккуратно высыпала из ступы подготовленную смесь золы и соли. Гнеда наклонилась над ними горящую зеленую свечу — воск шипел всё сильнее с каждой падающей каплей.

Мать Кати внезапно поднялась. Она подошла к столу без предупреждения, взяла нож и коротко уколола свой палец. Капля крови сорвалась вниз и упала на соль, на золу, на прядь Катиных волос.

Зола и соль на мгновение потемнели. По кругу прошла едва заметная дрожь. Всё длилось секунду и резко прекратилось.

Через мгновенье Гнеда молча скрутила красную нить со стола, а золу, соль и локон волос смела в мешочек, который быстро связала этой же красной нитью, закрепив её концы узлом, трижды перекинутым через большой палец с двойной петлей. После этого её пальцы стали похожие на птичьи, но двигались умело и быстро. Затем она связала нить и запечатала её зелёным воском, потушив о неё свечу. Закрыв то, что не должно открываться впредь.

Она вложила мешочек в руку мамы Кати.

— Готово, — сказала она шёпотом. — Если судьба позовёт, этот оберег сам найдёт её руку... А я услышу.

Мать не ответила. Она подошла к колыбели и на ходу взяла со стула свой дневник, который был открытым на чистой странице. Она не заметила, что оставила на нем тёмный след своей кровью.

В комнате стало тихо. Гнеда исчезла.

И тогда мама запела Кате колыбельную. Голос у неё был нежным и тихим, а песня простой, но такой, от которой у Кати сжалось сердце.

Видение оборвалось.

— Это твой оберег, теперь он снова с тобой, — произнесла Гнеда тихо.

Гнеда вложила мешочек Кате в ладонь, сжав её пальцы. Её прикосновение оказалось тёплым, а глаза перестали пугать.

Гнеда снова посмотрела на неё. Взгляд был долгим, без единого движения век. Видений больше не было, но на дне её чёрных глаз Катя вдруг увидела то, чему не нашла названия. Это был не гнев, не угроза, а что-то похожее на замёрзшую любовь, которая, перестав гореть как прежде, всё же продолжает греть.

— Ты видела, — произнесла Гнеда тихо. — Значит, ты и моей крови. Хотя я не смею назвать тебя по имени.

Она отвернулась к столу. И когда заговорила снова, голос был прежним — сухим и пустым, будто и не было этих слов.

— Тебе пора идти. Ирина тебя ждёт...

— Но куда? — оборвала её Катя.

Гнеда едва улыбнулась, глядя в свой глиняный горшок.

— Там, под лестницей, всегда была дверь. Ты её так и не заметила. Да и Алексей... — Она вздохнула и продолжила: — Волков ждёт тебя у колодца. — Она снова сделала паузу, прежде чем продолжить, словно обдумывая каждое последующее слово дважды, прежде чем сказать. — Но ты не оглядывайся на дом, когда выйдешь. Ему это может не понравиться.

Катя постояла ещё несколько секунд, прижимая мешочек к груди, потом вышла.

Дверь за ней закрылась сама и так тихо, будто кто-то очень старался не дать ей услышать то, что остаётся внутри.

Слева от лестницы действительно была ещё одна дверь. Катя замечала её и раньше, но всегда принимала за чулан. Слишком низкой она была, и, чтобы пройти через неё, нужно было пригнуться.

Дверь оказалась приоткрыта, излучая бледный дневной свет.

Катя вошла уверенно, едва не задев головой притолоку.

Внутри оказалась небольшая комната с низким потолком и длинным деревянным столом. Комната была освещена дневным светом из окна, около которого сидела Ирина, положив перед собой пожелтевший старый лист какой-то схемы или карты, искусно начерченной чьей-то рукой.

— Ты видела Гнеду? — спросила Ирина.

— Да.

— Хорошо. Значит, пора.

— Верно, я больше не хочу ждать. Ты вчера обещала ответить мне и рассказать обо всём.

Ирина подняла глаза, в которых не было ни раздражения, ни усталости. Только холодное, спокойное принятие.

— Под домом есть тайник, можешь называть это подземельем. Для меня же это скорее тюрьма. И я боюсь его. — Произнесла она с тревогой в голосе, но быстро собралась и продолжила: — Твоя мать спускалась туда. Но была там только один раз. Этого оказалось достаточно для того, чтобы я перестала узнавать свою дочь.

— Ты лжёшь, — тихо сказала Катя. — Она спускалась много раз. Я видела записи в её дневнике.

Ирина сжала губы. На секунду её лицо стало по-настоящему старым, но не от возраста, а от лжи, которую она держала в себе.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Она спускалась не раз. Но тот, последний раз... последний раз оттуда вернулась уже не она. И ты теперь хочешь туда идти? Но я не смогу вытащить тебя оттуда. Только он. — Ирина подняла глаза. — Только Волков. Только тебе принимать решение идти ли с ним.

Она свернула карту и протянула её Кате.

Катя взяла карту. Внутри всё дрожало, но она не собиралась отступить.

— Да, ты пойдёшь не одна, — продолжила Ирина. — Алексей знает дорогу. Он спускался туда не раз. Он же ищет своего брата Мишу. Или он только так считает. — Ирина усмехнулась краем рта. — Но тот, кого ты там встретишь, всегда ждал тебя. И только ты можешь всё изменить.

— Значит, я пойду, — сказала она. — Сегодня.

— Знаю, — ответила Ирина. — Волков ждёт, но Вейкко будет рядом, ведь я не могу.

Катя молча повернулась и вышла, сжимая в руке пожелтевший лист. Она наполнилась решимостью. Она больше не желала слушать Ирину, которая так и не ответила на все её вопросы, но сказала достаточно.

Она остановилась у лестницы. Пальцы сжали дневник и возникло неумолимое желание раскрыть его. Страницы были тёплыми. Она листала медленно, не осознавая, что ищет, пока не наткнулась на неё.

Это была страница с тёмным, неровным следом засохшей крови.

Старая засохшая капля с рваным краем. Она была здесь всегда, но Катя увидела её впервые. Она знала, как остался этот след.

Теперь это не было просто видением.

Глава 10. Метка.

Катя подошла к колодцу, где её ждали Волков и Вейкко.

Тишина стояла между ними натянутая, как струна перед разрывом. Веник ссутулился и застыл. Пропала его привычка перебирать пальцами, пропала и его болтовня. Увидев Катю, он просто отвёл взгляд.

Алексей смотрел в темноту колодца. На Катю он не взглянул, но скулы ходили ходуном, зубы были стиснуты так, что их было слышно. В одной руке он держал факел, в другой — короткий лом через плечо.

Она молча встала рядом. Он всё понял по её молчанию.

— Знаешь, что там внизу? — не глядя на неё, спросил он.

— Откуда? Я иду за тобой вслепую.

Он не стал отвечать сразу, а обдумал её слова.

— Я спускался туда шесть раз. — Голос у него был ровный, и от этой ровности становилось хуже. — Оно ни разу не заговорило со мной. Смотрело и молчало.

Он повернул к ней голову.

— Я не знаю почему, но с тобой он заговорит. И я не хочу знать.

Катя заглянула в колодец. Внизу, глубоко, стояла чёрная, неподвижная, ровная вода. Она не отражала ни неба, ни её лица, ни края сруба. Только Катя хотела спросить об этом Алексея, как тот коротко кивнул Вейкко.

Затем он снял с шеи шунгит, сжал его в кулаке и провёл костяшками по краю колодца — от одного бока сруба к другому. Снег на камне не растаял, а просто вжался в него.

Потом он вынул из-за пояса нож. Рукоять его была из тёмного камня, а лезвие матовое, с едва заметными прожилками. Этот нож Катя видела впервые.

Он резанул себя по ладони и дал крови собраться. Затем сжал ладонь в кулак и позволил нескольким каплям упасть в темноту.

— Камень к камню, — тихо сказал он. — Кровь к крови... Волков пришёл... Не как гость, но как сын.

Он перехватил её запястье.

— Теперь твоя.

Катя не вырвалась. Молча повторила за ним. Хватило лишь короткого касания лезвия — и капля сорвалась вниз. Алексей всё ещё держал её руку, но смотрел в колодец, словно ожидая нужный момент.

— Стужина пришла со мной. Два рода... Одна дорога.

Сама не понимая, откуда пришло это знание или желание участвовать, Катя добавила:

— И я сама решаю, зачем иду.

Он повернул голову. Секундное удивление мелькнуло в его глазах.

— Хорошо, — только и сказал он.

Она вытерла кровь о дневник матери не глядя. Пальцы сами открыли страницу — ту, где в видении остался след материнской крови. Поверх него лёг новый кровавый след — её след.

Алексей повернулся к Вейкко.

Тот не двигался, а лишь не мигая смотрел в колодец. Лицо его в сером свете сделалось по-нечеловечески острым: скулы выступили, кожа натянулась, тени под глазами ушли вглубь. Он открыл рот не для слов, а для вдоха. Из горла вырвался долгий тонкий звук, будто воздух густел над ним.

Чёрная гладь внизу дрогнула.

Она не заколыхалась, не пошла кругами, а начала медленно и беззвучно опускаться, словно её впитывали камни. Катя наблюдала за тем, как уходит вода, открывая мокрые стены. По камню стекали тяжёлые капли. Они падали вниз и исчезали в темноте.

На стенах колодца из-под воды проступили чёрные, ржавые скобы — одна за другой. С них ещё стекало.

Алексей шагнул первым.

— За мной, — сказал он.

Катя взялась за первую скобу. Металл был ледяным, но оставшиеся капли воды обжигали пальцы словно кипяток. Она не отдёргнула руку. Только сжала зубы и полезла вниз.

С каждым шагом воздух менялся. Сначала он был зимним и колючим, с привкусом снега на губах. Потом становился всё более влажным и густым. Потом появился этот тленный запах. Звуки сверху гасли один за другим. Не стало слышно ни ветра, ни далёкого лая собак. Только их дыхание и мерно падающие капли.

Спуск закончился на каменном уступе, открыв перед ними низкий боковой ход.

Алексей зажёл факел. Пламя выхватило из темноты сводчатый потолок и уходивший вперёд туннель. Он поднёс огонь к стене, и по всей длине прохода начали загораться вбитые в камень факелы. Их было много. Они уходили вглубь, как дорога из дрожащего света.

— Держись за мной, — сказал Алексей.

И она пошла за ним.

Туннель вёл вглубь. Воздух сделался тёплым, почти душным. Стены здесь были сухими. В них появлялись ниши, тёмные проходы, ступени, уходившие вниз. Алексей шёл мимо, не сбавляя шага.

У самой земли, на каменном выступе, сидел белый мотылёк. Катя заметила его краем глаза. Остановилась.

Мотылёк не улетал. Свет не пугал его. Катя протянула палец. Мотылёк сел на ладонь, лёгкий, как пепел.

На секунду в его крыльях почудилось лицо. Она сжала пальцы. Мотылёк рассыпался.

— Что там? — спросил Алексей, не оборачиваясь.

— Ничего, — ответила Катя. — Показалось.

Она догнала его.

Слева что-то блеснуло. Катя повернула голову. За узким проёмом открылось подземное озеро. Вода казалась чёрной и гладкой, как стекло.

— Не смотри туда, — бросил Алексей.

Она отвела взгляд.

Прижимаясь к стене, они шли по каменному выступу. Спустя некоторое время озеро осталось позади.

Коридор стал расширяться. Алексей шёл уверенно вперёд, минуя проходы в туннеле, сворачивая в нужные стороны лабиринта, представшего перед ними. Он знал, куда идти, без карты.

Они шли достаточно долго. Катя привыкла к его тяжёлому дыханию. Повороты сменяли друг друга, но вдруг они оказались в огромном каменном зале, походившем на алтарь. По центру была пустая каменная ниша, над которой возвышалась древняя фреска.

Она занимала всю стену. Два дерева, сплетённых корнями: одно светлое, другое — чёрное и сухое. Между ними была фигура без лица. Сквозь её пальцы была туго натянута красная нить. В нить продет каменный амулет. Нить вот-вот лопнет.

Алексей молчал.

— Я думал, это история того, кто держит, — сказал он наконец. — Теперь не знаю, кто пленник на самом деле.

Катя подошла ближе. Нить держала оба дерева: светлое тянуло её вверх, а чёрное — вниз. Фигура человека была словно точкой разрыва этой нити, расположившей амулет ровно по центру.

Катя взгляделась в пустоту, где должно было быть лицо.

Там зияла пустота, украшенная лишь двумя крупными мазками белых крыльев мотылька, призрак которого мгновение назад рассыпался у неё в пальцах, но теперь обрёл новую, пугающую форму.

Катя машинально перевела взгляд на свою ладонь. Пепла не было. Но кожа ещё помнила прикосновение.

— Это не Падший, — сказала она севшим голосом. — Это узница амулета. Она держит их обоих.

Алексей почувствовал резкий рывок: шунгит на его груди дёрнулся, словно его потянули на себя. На фреске ожила красная нить — она натянулась между деревьями, словно струна, издав беззвучный, тревожный гул, отразившийся в камне амулета.

Там, где обрывался слой краски, в глубине живой и тягучей тьмы пробудилось нечто, чьё безмолвие и неподвижность длились целую вечность.

Алексей встал перед Катей.

— Не двигайся.

В непроглядной тьме вспыхнули два мертвенно-жёлтых глаза, напомнившие блуждающие болотные огни. А следом раздался голос — не живой, а пугающий, похожий на скрежет трущихся друг о друга валунов или треск льда, уходящего под воду.

— Ты... тоже... хочешь... тишины.

Катя перестала дышать.

Она хотела возразить, но слова умерли, не успев сорваться с губ. Тяжёлое осознание: он не обвинял её, он лишь озвучил её собственный внутренний кошмар. Он просто вытащил на свет то, что она так старательно хоронила в себе все эти годы.

— Ты устала, — медленно и опьяняюще произнёс он.

Сознание Кати начало медленно расползаться.

Граница между её мыслями и этим шёпотом стёрлась: она не могла разобрать, звучит ли этот голос в тишине, или он только что смешался с её мыслями, забрав способность узнавать собственное «я».

— Устала.

Каждое утро просыпаться первой, чтобы никто не увидел лица. Ждать, когда придут за тобой. Держать спину прямо, когда хочется сложиться пополам. Быть Стужиной — за мать, за бабу, за тех, кого она даже не знала.

— Здесь тихо. Здесь никто не назовёт тебя по имени. Здесь ничего не хотят от тебя. Ни крови. Ни дороги. Ни выбора.

Она не понимала, где её мысли, а где его голос. Он не уговаривал, а просто договаривал за неё. Договаривал то, что она думала всегда, но не смела сказать себе при свете дня.

— Отдохни.

Её нога стояла над краем.

Вдруг мотылёк ожил, обрёл форму и вспорхнул с лица фигуры. Катя невольно потянулась за ним и сделала шаг. Пальцы тянулись к нему, но так и не коснулись. Нога шагнула вперёд и провалилась в пустоту каменного выступа, скрывавшегося в темноте.

Алексей метнулся, поймал её за руку. Но в ту же секунду она обмякла. Глаза закатились, тело отяжелело. Он удержал её, не дал удариться о камень. Потом опустил на пол.

— Катя! — позвал он. — Катя!

Она не ответила.

Алексей не знал, что её уже не было здесь.

Её сознание вырвало из зала и затянуло внутрь фрески, как магнитом. Словно фреска жаждала замены утраченным крыльям мотылька.

Катя стояла в круглой, каменной комнате без света, в которой было тяжело дышать.

Стены были тёплыми, от них шло не жаркое, а живое дыхание. Жёлтые огни горели по кругу, на уровне глаз. Они не мигали.

— Ты здесь, — произнёс голос.

Он шёл не снаружи. Он поднимался из неё самой — из-под сердца, из костей, из той пустоты, которую она так долго носила.

— Я ждал тебя.

Катя сделала шаг. Ещё один.

Она не хотела. Но ноги несли её вперёд. Пол был гладким и тёплым, а воздух густым. Она не чувствовала страха. Была только тишина.

— Здесь ничего не хотят от тебя. Ни крови. Ни дороги. Ни выбора.

Она сделала ещё шаг.

— Останься.

Голос завораживал и пугал одновременно. Она хотела ответить, но не смогла. Она лишилась голоса.

В кармане вспыхнул жар.

Это был тот самый мешочек. Детский амулет, отданный ей Гнедой, запылал и стал биться, словно живое сердце.

Она достала и сжала его. Он стал рассыпаться в ладони, покрывая её руку чёрной золой, а потом солью, которая стала разъедать рану.

Боль от пореза на ладони взорвалась и тут же вспыхнула огнём.

— Ещё рано, — резко затрещал голос. — Ты ещё не отдала. Оно пока твоё.

Мир рванулся вверх.

Катя падала сквозь серый сумрак, сквозь жёлтые огни, сквозь собственный крик, и ударилась о собственное тело.

Она открыла глаза.

Над ней была каменная фреска, на лице фигуры которой вновь были белые крылья мотылька. Затем она увидела бледное, злое, испуганное лицо Алексея.

— Катя! — Он тряс её за плечи. — Ты слышишь меня?

Она дышала. Пальцы вцепились в его рубашку, проверяя, настоящий ли он.

— Тебя не было здесь, — выдохнул он. — Ты даже не дышала.

Она облизнула губы.

— Он хотел, чтобы я осталась. Но я вытащила себя раньше.

На лице Алексея смешалось облегчение и первобытный ужас. Он смотрел на неё так, словно она только что вернулась из мира мёртвых.

Алексей держал её за плечи, но затем прижал к себе, прислушиваясь к её дыханию, как к чему-то, что могло исчезнуть в любую секунду.

Из-за фрески донёсся тихий утробный выдох. Он не держал её силой, не тянул обратно в тень.

Ему это было не нужно.

Он знал то, чего ещё не понимала Катя: она вернётся к нему сама.

— Уходим, — Алексей поднял её с камня. — Сейчас же. Не оглядывайся.

Катя пошла за ним быстрым шагом. Слишком быстрым, словно не давая себе шанса снова повернуть назад.

Они прошли лабиринт так быстро, что Катя ни на что не обратила внимания. Но, практически добравшись до выхода, к тому свету, что пробивался из казавшегося крошечным окна колодца, у самой земли на стене она заметила грубо выцарапанное слово: «Помню».

Буквы были старыми, на камне осела древняя пыль. Катя не остановилась, только холодок пробежал между лопаток, и она поймала себя на мысли: «Он ничего не спрашивал, а просто узнал её».

Они подошли к стенам колодца и стали карабкаться вверх. Тяжёлый камень захлопнул вход в тоннель, его грохот ударил по ушам.

Они карабкались вверх. Вода внизу стремительно прибывала. У самого края Алексей схватил Катю за руку и вытянул наверх, словно вырывая из бездны.

Дневной свет резал глаза, и Кате стало казаться, что она оставила часть себя в этом подземелье.

— Чьи это были глаза? — прошептала Катя.

Алексей ответил не сразу.

— Не знаю, — сказал он наконец, и Катя впервые поняла, что он говорит правду. — Он молчал всегда. Я думал, что знаю, что или кто там сидит. Сегодня он заговорил — и я понял, что не знаю ничего.

Он посмотрел на неё.

— Знаю только одно: ты сама не сможешь остановиться.

Катя резко почувствовала, как ладонь снова полыхает. Она разжала пальцы, и её взгляд застыл. Она увидела остатки чёрной сажи с солью, обожжённую рану, которая превратилась в тонкую алую нить шрама. Это был живой, пульсирующий, словно тонкая жила под кожей, шрам. Словно нить с той же фрески.

Катя вскрикнула. Алексей перехватил её запястье, развернул ладонь. Лицо его застыло.

— Он пометил тебя.

— Это нить. Она у меня под кожей. Я её чувствую.

— Знаю.

Он не убирал руку. Пальцы его слегка дрожали.

Затем Алексей снял с шеи шунгитовый камень и вложил ей в ладонь.

— Держи. Если почувствуешь, что начинаешь слушать Его голос, — разбей этот камень вдребезги. Разбей, чтобы я знал, что тебя больше нет. Это единственный способ, которым я смогу тебя вытащить.

Катя сжала тёплый камень.

— А если не успею разбить?

Алексей молчал долго.

— Тогда я силой, зубами вытащу тебя хоть из-под земли. Мне всё равно, что мне для этого понадобится и сколько времени это займёт. — Он сказал это сквозь зубы, и голос у него дрогнул. — Ты поняла меня?

Катя смотрела на него. Он был первым, кто не отступил.

— Поняла.

Он отпустил её запястье и отвернулся — чтобы она не видела его лица.

— Идём. Тебе пора в дом, а мне нужно успеть до полной темноты.

Вейкко ждал их в стороне у колодца.

Увидев Катю, он коротко кивнул, и только она отвела взгляд, как тот исчез.

Катя некоторое время постояла, всматриваясь за горизонт. Она знала, что там, где болота, в сереющем воздухе, уже загорался одинокий жёлтый огонёк. Теперь она знала, чьи это глаза.

За калиткой почти бесшумно прошёл всадник. Его конь горделиво всхрапнул, словно прощаясь с Катей. Силуэт Во

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.